

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

Коротко о длинном (код)

<https://litres.ru/74194429>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман, что растащили на цитаты еще до официального релиза. Жесткий, порой циничный, но, несомненно, глубокий. Не просто книга — труд, произведение значительное, долговечное, сигнал к размышлению и переосмыслению. Всем, уставшим от триллеров, бестселлеров, фэнтезийных сказок о попаданцах; от бесполезного чтения о мечях, Драконах, принцессах, инопланетянах; уставшим от слов «выйти из сумрака» или «войти в портал». Нет, драконы, маги, боги — все они будут, но четыре человека в непринужденной беседе — от заката до заката. Всего два дня из жизни, и вся жизнь — в двух днях. Всем, кому, как дыхание, как глоток воды, необходимо посидеть в хорошей компании с друзьями у мангала за бокалом добротного вина посвящается. Не рекомендуется к прочтению ревнителям социальной толерантности во избежание обострения баттхерта.

Иван Быков

Коротко о длинном (код)

Коротко о Длинном
(КоД)

Внимание: данное произведение изобилует устаревшими культурными и общечеловеческими ценностями! Не рекомендуется к прочтению ревнителям социальной толерантности во избежание обострения баттхерта.

От Автора

Часто спрашивают меня: «Почему в Ваших романах герои так много пьют? За разговорами пьют, в дороге пьют, дома пьют, на работе пьют, пьянеют, похмеляются и снова пьют?» Что сказать? Действительно – пьют. Кокетливо и осторожно пьют дамы, широко и вольготно пьют господа. Исподтишка, тайком от родителей потягивают подростки.

Современное общество (я про мужскую половину) разделилось на три типа: приверженцы здорового образа жизни, пьяницы и наркоманы. Про наркоманов писать противно, про ЗОЖников - скучно. Ну, нет у них, как ни крути, связи с космосом. Вот и выходит...

Кто-то говорит, что можно же пить умеренно, по бокалу

вина. Нельзя. Можно либо пить, либо не пить. А кто пьет по бокалу «Chateau Petrus» перед сном - либо ЗОЖник, либо наркоман.

*«Мысль проявляется через язык,
причем каждый акт говорения
является творческим процессом,
в котором не повторяется уже готовая истина,
но рождается новая».*
Александр Афанасьевич Потебня. «Слово и миф»

16:00

*«Природа снабдила меня телом,
изнурила меня жизнью,
дала мне отдых старостью
и успокоит смертью.
Поэтому то, что сделало прекрасным мою жизнь,
это же сделает прекрасным и мою смерть».*
Мэн-цзы

На скамейке под крышей у мангала было уютно и свежо. Чуть накрапывал дождь, но поленца были сухи и сложены в маленьком дровнике. Архаичная чугунная мебель – узорный стол и шесть изящно-кривоногих стульев - уже полвека выдерживала и легкие морозящие дожди, и тяжелые нераз-

гребные снега, и прохладу весенних вечеров, и жар летних полдней.

Антон Несторович со скрипом подтащил один из стульев к самому краю беседки, так, чтобы капли моросью обдавали кожу, залетали за воротник, сладкими слезами омывали лицо.

Было хорошо.

А еще лучше было от осознания того, что Савва-таки придет сегодня на беседу и мангальные изыски. Приедет не один – с подругой, как бы на смотрины. Смотрины будут «в одни ворота»: Замилю, подругу Антона, все немногочисленные друзья и многочисленные знакомые приняли давно и бесповоротно. Десять лет знали Замилю – с того момента, как она вошла в жизнь Антона.

А вот Савва любил менять женщин. Чуть что казалось Савве вздорным в характере избранницы, чуть ослабевала страсть, чуть свершался некий женский выпад, который разил не хуже мужского выпада шпаги, как под руку с известным ресторатором и кулинаром, гордо задирая носик, уже выхаживала новая пассия.

С Замилей Антон познакомился давно – спустя год после неожиданной потери Маши. Нет-нет, ни супруга Антона, ни супруга Саввы не покинули наш многосложный мир, но зато обе – почти в одно и то же время – покинули своих многосложных мужей.

Маша уходила легко – ее давно уже утомили многочис-

ленные интриги Антона с горничными и клиентками его отелей. Одна из таких интриг показалась Марии основательным поводом для ухода. Случилось это больше десяти лет назад, Антону Несторовичу было тогда около шести десятков. Маша собрала вещи и молча указала на чемоданы. Антон, только вернувшийся тогда с работы, кивнул, так же молча подхватил чемоданы и вышел на улицу, где его уже ожидал водитель. Так Антон снова оказался в отчем доме на Кисельной, 8.

Холостяковал почти год, пока тихой поступью, на мягких татарских ичигах в его жизнь не вкралась Замиля. Женой девушка так и не стала, но вот уже десять лет всегда была рядом с Антоном Несторовичем – в участвовавших к семидесятилетию болезнях и во столько же раз участвовавших тихих немолодых загулах.

Савва потерял свою последнюю супругу почти так же – ушла. Но с треском, публичным скандалом и попыткой раздела имущества. Юристы у Саввы были отменные – жена ушла, с чем пришла – с розовым клатчем, в котором лежали права и телефон. Антон даже не помнил ее имени. За почти двадцать лет их дружбы Савва сменил полдесятка жен и пять десятков любовниц. Когда жена молода, то холод в интимных отношениях может ее разозлить. Что, собственно, и случилось.

Савва вполне справедливо считал, что мужчину в постели нужно удивлять. Молодая жена расслабилась, удивлять пе-

рестала, он тут же охладел, нашел новую. Прежняя обиделась и – ушла, уступая место новой кандидатке. Когда поняла, что перегнула, то хотела бы и вернуться, но – поезд был уже в пути.

Да и скандалы юридические простить было никак не возможно. Женщина, что предъявляет к мужу претензии публично, тем более с привлечением третьих лиц, тем более в поле юридическом, заклеямена навеки, выбракована и восстановлению не подлежит. Мужчина, если захочет, сам даст, а не захочет, так нечего воду мутить. Так говорил великий Савва, и Антон был с ним совершенно солидарен.

Умудренный нескончаемыми браками и разводами, Савва поступил наконец так, как поет Аркадий Северный в известной повести о барабанщике:

*Девушка в платье из ситца
Ночью мне больше не снится,-
Мне разрешила мама твоя,
Но я расхотел жениться.*

С тех пор у Саввы были исключительно подруги, а жен больше не было – жены с их претензиями, нелепыми правами и сомнительными обязанностями остались в прошлом, покрывшись ностальгической патиной. Порой мужчина вспоминал о странных, неоднозначных годах брачных жизней, но порция хорошего односолода или бокал доброт-

ного вина тут же выводили его из грустной задумчивости.

Савва полюбил маленькие мужские шалости – они наполняли его сердце гордостью, Савва любил барствовать, но был далек от высокомерного чванства. Частенько кто-нибудь из друзей говорил ему:

- Видел тебя недавно с красивой дамой.
- Это мой партнер, - небрежно отвечал Савва.
- По сексу или по бизнесу? – следовал неизбежный вопрос.

- А есть ли разница? – тут Савва позволял себе добавить в голос нотки многоопытной усталости. – И так, и так двое занимаются общим делом к обоюдному удовольствию.

Антон души не чаял в Замиле. По-татарски имя Замилля означало «спутница, подруга, женщина–товарищ, женщина–коллега». И девушка в полной мере соответствовала данному ей имени. И не только характером, не только верностью, преданностью и так необходимой мужчине в возрасте покорностью. Покорностью, поскольку времени оставалось так мало, и негоже было тратить драгоценные дни на мелкие дразги, объяснения, поиски консенсуса и распределение бытовых забот.

Было в этой татарской девушке вдоволь экзотики и много еще того, о чем втайне мечтает каждый славянский мужчина. Милый округлый овал лица, слегка раскосые глаза, но без выраженного прищура, без эпикантуса, как у монголоидов или башкирок. Совершенно черные зрачки, иссиня-черные

длинные волосы, ниспадающие до талии прямым каскадом. На правой ягодице было у Замили небольшое темное пятно, что выдавало в ней потомка великого Чингиз-хана.

Роста Замиля была невысокого – около ста шестидесяти пяти сантиметров, как и положено по законам классической женской красоты. Тяжелые бедра, неузкие плечи, но зато какая талия! Какая невероятная изящная талия, которую, казалось, можно было обхватить двумя мужскими ладонями так, чтобы большие пальцы сошлись друг с другом!

Замиля была любознательна, любила слушать своего избранника, никогда не перебивала, а лишь смотрела счастливыми глазами, впитывая каждое мудрое слово, улыбаясь каждой доброй шутке. Была невероятно гостеприимна, обожала, как и сам Антон, готовить. Но готовила такие блюда, за которые Антон даже и не взялся бы. Особенно хорошо Замиле удавались всевозможные слоеные пироги с разнообразными начинками: какие-то губадии, вак-белиши, эчпомаки, которые Антон вечно путал, названия которых никогда не произносил правильно, но всегда ел с удовольствием. От чего и прибавил в весе килограммов на десять.

Теперь Замиле было тридцать пять, но она по-прежнему сохраняла гибкость, подвижность и свежесть молодой азиатской женщины. И еще Замиля хотела детей, о чем Антон знал, хотя никогда от нее не слышал. И твердо решил подумать о ребенке уже в этом году. Потому как было пора – и по возрасту подруги, и по стажу отношений. И по чутью, и

по наитию, и по многим другим причинам, как земного, так и сакрального характера.

16:15

А еще было хорошо, потому что бутылочка «Gevrey-Chambertin», по легенде - любимого вина Наполеона, стоявшая на столе, была только наполовину пуста. Антон со вкусом пригубил бокал и встал – необходимо было действовать.

Дождь уже порядком разукрасил льняную просторную рубашу Антона и его парусиновые шорты. Пора было перемещаться поближе к мангалу. Да и «заводить мотор» тоже было пора – друг был пунктуальным, весьма редкое качество для мужчин в наши дни. До приезда Саввы оставались считанные минуты.

Не торопясь мангальщик выстроил над скомканными листами бумаги пирамидку щепок. Над пирамидкой, словно шампуры, с опорой на бортики мангала, разложил поленца вишни, а уже перекрёст вишне положил несколько бревнышек подсушенной акации.

Двумя пальцами извлек из зеленого кармана шортов коробок спичек. Чиркнул раз-другой. В промокших шортах спички отсырели – получилось с третьего раза. Потянулся дымок, вспыхнули щепы, запахло костром. Эстафету подхватила вишня, за нею – акация. Запах из каменной трубы над крышей веранды, соревнуясь с терпко-свежим ароматом

летнего дождя, стал заполнять двор, улицу Кисельную, весь пригородный поселок. Антон вернулся к бокалу – очень хорошо! Разве не это вкус жизни? Он это, именно он – вкус жизни.

- Чтоб толковый бедуин да верблюда не прогрел? – удовлетворенно сказал Антон мангалу, дыму, зарождающемуся огню.

Любил Антон свой мангал, беседку над ним, свой двор – не во всем аккуратный, но оттого еще более родной; любил домик в два этажа с подвалом, где хранились замечательные вина; любил улицу Кисельную, где прошли часть его детства и вся юность. И закат жизни, что теперь не вызывало сомнений, тоже пройдет здесь. Замилю тоже по-своему любил. Не так, как сбежавшую Машу, но все-таки...

Познакомились они до банальности просто. Замиля, скромная (эту скромность спутница Антона чудом сумела сохранить и поныне), с опущенными ресничками, пришла справиться о месте горничной в «Венере и Дионисе». «ВиД» - первая открытая Антоном Несторовичем гостиница у моря. Ему тогда, на момент открытия, было около сорока пяти. Антон улыбнулся, вспомнив старую песню Зои Бень:

*В нафталиновом пальтишке,
Под шафе слегка,
Шел поэт, почти мальчишка,
Лет примерно сорока...*

Замиля пришла много позже – когда «ВиД» стал популярной, но по-прежнему уютной гостиницей. Антону Несторовичу было уже без пяти шестьдесят. Он не занимался отбором персонала, администраторы брали такую работу на себя. Но Замиля почему-то привлекла внимание случайно оказавшегося в гостинице шефа.

«Взять», - последовало распоряжение, и двадцатилетнее сокровище приступило к работе горничной. За пять лет Замиля совершила путь от уборщицы номеров, через начальницу смены, через должность кастелянши к должности администратора. И вот только тогда удостоилась особого внимания Антона Несторовича.

Маша к тому времени уже была чьей-то чужой супругой (или любовницей, что, по сути, не важно), Антон Несторович был свободен, а потому легко и с радостью окунулся в новые отношения. Пуританином Антон никогда не был, но в этот раз поставил исключительно на Замилю. Всю силу своего имени Антон – «вступающий бой» - обрушил на новые отношения. И Замиля не подвела. Вот уже десять лет была верной спутницей, любящей женщиной, незаменимой помощницей в делах и замечательной хозяйкой. Не единственной, конечно, - какой же мужчина в здравом уме и здравом же теле сам себе ограничивает возможности самовыражения? – но главной, генеральной, жизнеобразующей.

Окно кухни отворилось. Негромко, но четко, так, чтобы Антон услышал, Замиля не крикнула - сказала:

- Звонила Альвина, сказала, что будут через пять минут. Накрывать дома или на веранде?

- На веранде, - решил Антон. – Ветра нет, здесь свежо и сухо. Я сейчас помогу.

Антон не раз поражала в голосе Замили эта скрытая улыбка, словно женщина всегда радовалась жизни и передавала эту радость своему мужчине, а через него – всем вокруг. И дом, добрый дом на Кисельной, 8, который никогда не был простым нагромождением камней, чувствовал эту радость хозяйки и преобразовывал ее в неповторимую атмосферу. Сделав еще один глоток вина, хозяин дома принялся за дело.

Дел, собственно, было немного: принять из окна разнос с нанизанным загодя на шампура маринованным мясом да еще одну бутылку вина – впрок. Все это Антон доставил к ароматному мангалу. Бутылку откупорил штопором перочинного ножа – пусть вино подышит.

Альвина... Странное имя носила новая спутница Саввы. С самим Саввой было все понятно – «старик, старец, мудрец» на древнеарамейском. А вот Альвина... Но, покопавшись в справочных ресурсах (к таким вопросам он всегда относился с особым тщанием), Антон обнаружил несколько версий происхождения.

Первая версия гласила, что Альвина – лишь вариант имени Альбина, от латинского «альба», белая. Собственно, Альбион получил название по той же причине – из-за стены белых туманов, скрывавших от моряков его берега. Альвина, как рассказывал Савва по телефону, была блондинкой. Правда, крашеной. Крашеный Альбион. Однако...

Вторая версия оказалась интересней. Согласно ей происхождение имени Альвина пояснялось древнегерманским словом Albwin. Это двукоренное имя, состоящее из корня alb (alf) – «альф» (эльф) и корня wini – «друг». Выходило, что Альвина, она же Эльфина, - друг эльфа. Савва вполне мог оказаться эльфом, по внутренней сказочной терминологии Антона, так что вторая версия казалась даже более правдоподобной.

Собственно, Альбион тоже мог оказаться не страной белых туманов, а загадочным Эльфионом – страной эльфов. Кто разберет? Слова хранят множество тайн. Сумевший разгадать их становится магом, тем более могущественным, чем больше значений стало ему доступно.

16:30

Пропел звонок калитки. Приехали долгожданные гости. Щелкнул электронный замок. Во двор проникли по-летнему одетый молодой человек лет семидесяти и молодая леди лет двадцати в кичливо-эротичном наряде. Савва и Альвина.

С лаем через порог дома рванула черная такса с шоколадными пятнами на груди и морде, кобель. Пес неумоимо радовался гостям, кружил, отчаянно виляя прямым длинным хвостом, заливаясь звонким «зарасти» на собачьем, знакомясь, слюнявя, царапая и привыкая к новым запахам.

- Юрка, отстань, - нестрого пожурил Антон, Юрка даже не подумал прислушаться к приказу хозяина.

Собаки были в доме на Кисельной всегда. Первым был огромный аляскинский маламут Ерофей. Тот самый, что отправил пятнадцатилетнего Антона в трудный и опасный путь к далекой мечте. Когда Антон, уже будучи женатым на Маше, для решения семейных проблем надумал взять кредит в банке, маламут отреагировал чутко - заболел, а через некоторое время умер, оставив по себе добрую память и любовь семьи к большим собакам.

Юрка был первой маленькой собакой в доме. Ну как – маленькой? Любая такса мнит себя доберманом, разве что лапы покороче. Но смелости и решительности в каждой таксе хоть отбавляй. Юрка не раз заставлял скулить от страха соседских ротвейлеров и на медведя бы ринулся, не раздумывая, - только уши назад.

Так называли питомца случайно. «Какой юркий такс! Настоящий Юрка!» - умиленно произнесла Замиля на зверином рынке (этот рынок в городе по старинке величали Староконным), и Антон не возражал: Юркой звали друга еще с первого класса, ушедшего в мир иной несколько лет назад.

Пусть будет о нем память.

После традиционных поцелуев и рукопожатий разошлись – мужчины к мангалу, колдовать над мясом и вином, женщины – на кухню, чародействовать над салатами, закусками, соусами и напитками. И знакомиться – не по-собачьи, по-женски. Другая форма, то же содержание. Юрка, конечно, в процессе знакомства был более искренним – нет у собак необходимости придерживаться условностей и ритуалов.

Мангалу гореть еще минут пятнадцать, так что хозяин и гость вполне успели плеснуть по бокалам традиционного шабли. Замиля вынесла тарелку мягких и полумягких сыров, кубиками и треугольниками на остриях зубочисток – для гармонии вкуса.

- Унял бы дождь, дорогой мой Дракон, - полушутя-полу-серьез предложил Савва.

- Я не Дракон. Да и зачем? – удивился Антон. – Что плохого сделал тебе дождь? Дождь не мешает. Наоборот, прибивает пыль, отгоняет мух и прикрывает нас вуалью от внешнего мира. Кроме того, волшебство так не работает.

- А как работает волшебство? – улыбнулся Савва.

- Знаешь, чем отличается волшебство от чуда? – вместо ответа спросил Антон. - Чудо - молитвами да чужим хотением. Волшебство - исключительно твоим трудом и умением.

За это выпили. Помолчали.

Антон знал Савву пару десятков лет. Когда-то напросился на прием к известному уже тогда ресторатору. Нужны были

советы, много советов, о том, как при гостинице открыть достойный ресторан. Савва на удивление легко предложил тут же поехать и оценить ситуацию на месте. Поехали, оценили, завязалась совместная работа. С тех пор Савва помогал организовывать рестораны при каждой новой гостинице Антона. Миновав стадию рабочего партнерства, после первого же удачного старта совместного проекта Антон и Савва стали друзьями. И не пожалели об этом ни одного раза за весь период дружбы.

16:45

- Как тебе Альвина? – спросил наконец Савва.

Альвина, ушедшая помогать Замиле по кухне, пока в работу не включилась. Она стояла на крыльце дома, мечтательно смотрела вверх забора на желтую улицу и пускала клубы табачного дыма. Длинная тонкая сигарета была зажата меж двумя пальчиками с цветным маникюром. Под желтым топом не было и намека на бюстгальтер. Загорелые бедра прикрывали рваные джинсовые шорты с обнаженными боками. Судя по этим голобедрым шортам, трусиков на Альвине также не было. «Голобедрая, - вспомнил Антон. – Так называли танцовщиц-лакедемонянок за их характерные наряды».

- Не знаю еще, - честно признался Антон. – Мало входящей информации. Да и на кой тебе мое мнение? Любишь – не гони от себя. Не любишь – скоро найдешь новую.

- Любишь? – Савва пожал плечами. – Да какая любовь в нашем возрасте? Удобство, привычка – это со временем, секс. Пафос, – как без него? – чтобы на люди выйти было не стыдно. Чтобы друзья – не ты, не ты, другие – завидовали. Забота какая-никакая. Вроде, справляется.

- Каждому Солнцу нужна Луна, - улыбнулся Антон. - Без маленькой Луны даже большому Солнцу иногда становится грустно...

- Эка ты загнул! Прибьем огонь? Замиля уже несет тарелки.

- Погоди минут пять-шесть, - остановил друга Антон. – Пока накроют, все будет готово.

Замиля с улыбкой несла стопку пустых тарелок для сервировки. Поверх тарелок позвякивали вилки и столовые ножи.

- Может, что помочь? – крикнула с порога Альвина.

Замиля кричать в ответ не стала – она всегда разговаривала негромко, находясь рядом с собеседником. Расставив тарелки, подруга Антона вернулась в дом. На крыльце что-то тихо сказала Альвине. Та кивнула, загасила сигарету о чугунные перила, выкинула в пепельницу (для гостей, хозяева не курили), после чего женщины скрылись за входной дверью.

- Вот теперь пора, - Антон кивнул на угли.

- Согласен, - ответил профессионал-кулинар и, взяв кочергу, принялся разбивать самые большие «валуны» и не прогоревшие еще поленца, чтобы те не вспыхнули в процес-

17:00

«Научите не скудеть в любви.

Чем заменишь любовь? Ничем.

А любовь к самому себе –

противоположность любви».

Антуан де Сент-Экзюпери. «Цитадель»

Девушки справились быстро. Бокалы, салаты, знаменитые пироги Замили, запотевшие кувшины с морсом и компотом, несколько бутылок из погреба, несколько видов соуса, просто нарезанные свежие овощи – все это компактно расположилось на столе в считанные минуты. Замиля провела отличную подготовительную работу.

Расселись, выпили, улыбнулись друг другу. Шашлык улыбнулся ароматом – он был почти готов, оставалось лишь дважды-трижды повернуть его на шампурах.

- Мы говорили про любовь, - напомнил Савва.

- Не совсем, - исправил Антон. – Мы говорили о любви и сексе.

- О! в сексе я совершенно непоследователен! – воскликнул Савва. – Зато весьма последователен в любви, - тут же добавил, заметив, что Альвина нахмурила бровки.

- И за что ты меня полюбил? – каверзно спросила двадца-

тилетняя нимфа, приготовившись слушать панегирики.

- Как за что? – удивился Савва. – За короткую юбку, высокий каблук и широкую резинку чулок. И, несомненно, – за тонкий ум.

Последнее замечание спасло Савву от новой морщинки меж бровей. Авелина решила тут же проявить тонкость ума.

- А вот Вы, Замиля, - спросила Альвина, - за что любите Антона Несторовича?

- Я родилась, чтобы носить ему пиво по утрам, - просто ответила Замиля.

- Восхитительно! – возрадовался Савва. – Это звучит более проникновенно, чем любое признание в любви!

- Шашлык готов, - объявил Антон, чтобы сменить тему; ему было слегка неудобно, но очень приятно.

- В «Стейк-хаус» требуются непьющий сомелье и повар-вегетарианец! - возвестил Савва, с любовью глядя на румяное мясо.

17:15

Но тему менять никто не собирался. Тема любви, как говорится, плотно зашла в беседу. Тем более, что может быть основательнее для начала разговора, чем тема любви? Правда, говорили не только о ней и не столько о ней. Говорили около нее.

- Вы слишком хороши для Антона, - не унимался Савва. –

И я считаю, что самое дикое извращение - любить хороших девочек. – И тут же обратился к Альвине:

- Слушай, немедленно перелюби меня: перестань любить за то, что я красивый, полюби за то, что я умный. И я тебя с ума за красоту перелюблю.

Альвина не поняла веселого сарказма, но на всякий случай улыбнулась и сочла нужным что-то молвить в ответ. И молвила:

- А мы с Саввочкой замечательные друзья.

- Дружить вместо или после любви - все равно, что жить после смерти, - сказал Антон, втискивая разнос с дымящимся шашлыком между блюд.

- Да ты, братец, философ, - констатировал Савва, произнеся слово «философ» с отчетливым ударением на последнем слоге.

- Нет, всего лишь отельер. Вот мой отец был действительно философ. И замечательный историк, - с грустью вспомнил Антон Несторович.

Савва почувствовал и понял грусть товарища, а потому постарался вернуть течение беседы в прежнее русло. Вернее, попытался смешать любовь и философию пространным монологом.

- Требовать от любви верности - все равно что требовать от тигра стать вегетарианцем, - многозначительно сообщил Савва. - Человек, способный любить, не сумеет жить в монохромном мире. Само умение любить будет раскрашивать

мир в яркие краски и призывать к новым свершениям. Другое дело, что существует социальный договор. Именно его нарушение и называют в быту супружеской неверностью. Но любой юрист скажет: разумность - один из основных принципов любой договоренности. И тут снова возвращаемся к тигру-вегетарианцу.

Альвина согласилась, к немалому удивлению Антона.

- Совершать можно глупости, но не подлости, - кивнула она. - Прислушиваться к чужим советам, но не попадать под влияние. Любить многих, оставаться верным одной...

Антон понял, что речь идет о каком-то неизвестном ему контексте либо Альвина процитировала некий статус из социальных сетей. А потому Антон Несторович тактично промолчал.

- Женщина дарит благосклонность мужчине в двух случаях, - с готовностью подхватил Савва. - Из жалости или в благодарность. Кроме того, женщине свойственно и жалость, и благодарность иногда называть любовью.

Антону тропинка сия показалась путанной и способной завести в непредсказуемые дебри.

- Каждый из нас пребывает в постоянных поисках романтики, заботы, любви, - сказал Антон, одновременно откупоривая красное бордо под мясо. - Все никак мы не хотим верить, что романтика - это обычный флирт, а следовательно - понты. Забота, которую кто-то к нам проявляет, на деле превращается в наши обязательства. Ну, а любовь, та, о которой

столько песен, - это смесь влечения и привычки, физиология да психология в различных пропорциях, зависящих от стажа этого чувства.

- Золотые слова, дорогой мой друг! – оценил Савва. – Дай тебя поцелую, - и действительно перегнулся через подлокотник стула и облобызал Антона. – А как Вы считаете, уважаемая Замиля: есть любовь на нашем грешном свете?

- Любящая женщина желает быть с любимым. – Замиля никогда не вмешивалась в разговор, пока е об этом не попросят. - И ничего больше. И любовью своей продлевает жизнь мужчины. Если женщина желает что-либо еще, то жизнь мужчины она сокращает в геометрической прогрессии - в зависимости от количества желаний. Помните песню Новеллы Матвеевой «Девушка из харчевни»? Грустная романтическая история о самоотверженной любви. А другой любви, на мой взгляд, у женщины быть не может. Любое другое чувство к мужчине – и не чувство вовсе.

- А что же? – весело спросил Савва.

- Торги, - просто ответила Замиля. – Ты мне, а я тебе. Девушка из харчевни любила иначе.

И Замиля пропела тихо, но так проникновенно, что за столом на время воцарилась тишина:

*Любви моей ты боялся зря -
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,*

Встречать улыбку твою.

*И если ты уходил к другой,
Иль просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде.*

Савва долго смотрел на хозяйку дома, потом расхохотался.

- Храни себя - ищи любящую женщину, - воскликнул он.
- Как там это будет у французов вдобавок к их *cherchez la femme*?

17:30

В это время дождь прекратился, облака рассеялись, вечернее солнце залило влажные кроны садовых деревьев и полетному зеленый газон. Антон расправил плечи – захотелось жить, любить, верить. И сказать что-то жизнеутверждающее по этому поводу.

- Любовь одновременно делает всемогущим и беззащитным, - нашел Антон нужные слова.

- Несомненно, - уважительно согласилась Альвина и отрыла в глубинах памяти вновь что-то социально-статусное, что слабо вязалось с общей канвой беседы, но кто же следит за канвой беседы за дружеским столом у мангала после

третьего бокала вина? - Наверное, любовь запретна для тех, кто боится разлук, как жизнь запретна для тех, кто боится смерти.

- Любовь к Женщине, рука Друга и Рыцарство по отношению к Людям, - вот за что стоит в этой жизни хвататься изо всех сил, - поддержал Савва свою спутницу, некоторые слова произнося с заглавным пафосом. - Но с годами понимаешь, что Женщина видит любовь по-своему и начинает рыдать всякий раз, когда слышит твое видение. Друзья чаще ищут выгод (я не про здесь присутствующих). И вот тут может наступить разочарование. Ах! У тебя остается Рыцарство. И уж тут все зависит от того, как ты его понимаешь.

- И как ты понимаешь Рыцарство? – улыбнулся Антон.

- Моя любовь к женщинам переросла в любовь к людям. Моя любовь к людям переросла в безграничное доверие. Мое доверие переросло в полное неприятие лжи, глупости и лицемерия, - с готовностью откликнулся Савва. – Вот это неприятие и есть Рыцарство. А любовь – странный предмет: вот она есть, а вот ее нет. Утрачена безвозвратно.

- Не стоит печалиться, что любовь утрачена, - тихо, как бы сама себе сказала Замиля. - Раз утрачена - значит, не любовь. Настоящая - и сама не пропадет, и тебя не отпустит.

Савва вновь долго смотрел на Замилю, словно изучал ее, а потом решил поиграть в философа.

- В преобладающем большинстве любая модель отношений между людьми в той или иной пропорции включает три

основных составляющих: любовь, уважение, страх, - мудро заметил он. - При этом уважение является наиболее плодотворным компонентом, поскольку, в отличие от страха и даже от любви, не подразумевает зависимости.

- Ты говоришь о любви конкретной или абстрактной? – живо поинтересовался Антон. - Абстрактная любовь к конкретному человеку представляется явлением иррациональным, бессмысленным, даже невозможным, а потому отторгается на подсознательном уровне. Мы любим не других, мы любим отражения себя в других. И наоборот, лишь отражаясь в других, вызываем ответное чувство. И чувство это тем перспективнее, чем чище зеркало, чем выше четкость отражения.

- Как правило, любимый мужчина для женщины - это некий эмоциональный коктейль, - заметил Савва с интонацией спорщика, - включающий все необходимые для души ингредиенты. Вот Альвина, например, постоянно тянет меня в путешествия. А я и думаю: если хочет путешествовать - может, чего-то не хватает? Какая уж тут любовь?

При этих словах оратор многозначительно посмотрел на Альвину, однако девушка подкурила сигарету, сделав вид, что речь о пристрастиях к путешествиям – не о ней. Юркий такс, который крутился под столом, требовательно стал передними лапами девушке на колени. Та дала ему кусочек мяса.

- Не стоит давать ему со стола, - попросила Замиля. – Ему

потом плохо, к ветеринару возили уже дважды.

Альвина попробовала погладить Юрку меж ушей, но пес зарычал – нельзя гладить собаку, когда она уничтожает добычу.

- Чаще всего платить за любовь, - сказал Антон, - не важно, как – машинами, шубами, путешествиями, украшениями, просто деньгами - это благодарить за возможность любить самому. Но это уже дебри...

- Дебри, - согласился Савва и тут же провозгласил голосом магистра Йоды из «Звездных войн»:

- Я горжусь тем, мой юный падаван, что дожил до седых волос и ни разу не платил за любовь!

И немедленно ответил себе голосом Энакина Скайуокера:

- Наставник, Вы гордитесь тем, что с юных лет были жмотом?

Получилось забавно. Все вежливо, но искренне посмеялись.

17:45

- Порою даже самые ценные дары могут стать наказанием, - Антон продолжил тему «цены любви».

- Примеры! – потребовал Савва.

- При отсутствии меры и баланса, - пояснил Антон. - Даже витамины в чрезмерном количестве могут вызвать аллергию и нарушение обмена веществ.

- У меня такое было! – Альвина обрадовалась возможности поддержать разговор. – На клубнику. Переборщила в смузи.

- Любовь - великая сила и неоспоримое благо, может изрядно покалечить при неумелом пользовании, - продолжил Антон. - Вместо созидających процессов может запустить в душе процессы разложения - при недолжной дозировке. При малейших признаках опасности стоит разбавлять любовь обычным интимом, пока не будет вновь достигнут благотворный баланс.

- У кого-то беспорядочные половые связи, а у кого-то беспорядочная половая мастурбация, - понимающе улыбнулся Савва.

- За это стоит выпить, - согласился Антон.

Разлили, выпили. Остались только пустые бутылки под столом и ни одной полной на столе. Антон отправился в погреб за благородной Бургундией. Нельзя сказать, что он хранил в доме те вина, которые принято называть великими, но энотека была подобрана со вкусом и знанием дела. Когда Антон вернулся к столу, Савва, единолично завладевший вниманием женщин, эмоционально вещал, размахивая руками и расплескивая остатки вина в бокале.

- Что бы ни говорила женщина, - вещал Савва, - она всегда ориентирована на статус мужчины, на его социально-материальные перспективы и на перспективы отношений. Никаких чистых чувств. Никакого искусства ради искусства. Нет

в этом ничего плохого или хорошего. Просто женщины так понимают любовь.

- Я бы поспорила, - тихо заметила Замиля.

- А я категорически не согласна, - громко возразила Альвина, меж пальцев которой дымилась очередная сигарета.

- Вот возьмите «Синдром Татьяны Лариной»... - доказывал Савва.

- Что за новшество в психологии? – спросила Альвина с мудрым от алкоголя лицом и попыталась закинуть ногу за ногу; вышло слабоубедительно.

Я вас люблю (к чему лукавить?),

Но я другому отдана;

Я буду век ему верна...

- продекламировал Савва. - Та ли это любовь, что, по словам Данте и по сути, «движет солнца и светила»? Любовь, не ведающая границ, и вдруг спотыкается об условные узы брака? Улыбку вызывает. Не любовь, а какое-то женское ехидство: «Не берешь меня в жены? Так не получишь ничего!» При этом не факт, что не получают другие. Через годик-другой, когда поутихнет женская досада. По-разному видят любовь мужчины и женщины. Шучу, конечно: художественный образ глубок, замысловат, сложен. Но в быту такой «синдром» - кругом и всюду.

- Довольно оригинальное прочтение классики, - усмехнул-

ся Антон.

- У меня вообще с языком странные отношения, - сказал Савва, доверительно склонившись к другу. - В детстве, например, я думал, что рататуй – это глагол в императиве. Когда мама говорила «Я буду готовить рататуй», я всегда слышал: «Я буду готовить. Рататуй!» и переживал, что не понимаю, как это – рататуить. А со временем я понял, что рататуй, не рататуй – все равно получишь лечо. Наверное поэтому и стал вначале поваром, а потом ресторатором.

- Если очень ждешь кого-то, не стоит торопить объект ожидания. Нужно запастись терпением. Поторопишь - и придется ждать сначала, - сказала Замиля, видимо, обратив внимание на «годик-другой» в монологе ресторатора.

- Подождать? – шутливо нахмурился Савва и погладил Альвину по обнаженной коленке. - Чего ждать? Любовь мужчины - как стрельба из автомата: веерными очередями по широкой амплитуде. Целей много, попадания не важны, важно – показать, что ты знатный стрелок и в обойме еще полно патронов. А вот любовь женщины - как выстрел снайпера: между двумя ударами сердца, единожды и точно в цель. Так, чтобы непременно наповал. Правда, Антон?

- Для кого-то бумага - для кого-то коллекционная ценность, - сравнил Антон с бонистикой, которой увлекался с детства. - Так и с чувствами: для кого-то банальность - для кого-то откровение.

- Вот только не говори, что ты во времена супружества был

однолюбом, - подмигнул Савва. – Все грехи уже отпущены по сроку давности.

- Моя любовь к супруге была настолько очевидна и самоотверженна, что все другие женщины уже через год-два записывали меня в разряд бесперспективных и покидали с грустью и без надежды, - попытался отшутиться Антон.

- В юриспруденции, - Савва, имевший, кроме кулинарного, еще и юридическое образование, экспертно воздел к небу указующий перст, - перед принятием нового закона объявляют предыдущий закон утратившим силу. Такова любовь женщины - каждая новая «любовь» полностью отменяет действие предыдущей. Мужчины любят иначе. Их чувства скорее можно сравнить с английским прецедентным правом: раз было, то уже из свода законов не вычеркнешь. Женщины переключают внимание, забирают любовь у первого и торжественно вручают ее второму. Мужчины ни у кого ничего не забирают. Они лишь расширяют зону ответственности, подключая к первому модулю орбитальной станции второй, и так наращивают конструкцию до тех пор, пока позволяет здоровье.

- Всякое бывает, - пожал плечами Антон, разливая вино по бокалам. - К сожалению, бывает и так, что люди за сорок остаются одни - ввиду глупости, излишней самонадеянности, по воле злого случая. Ищут новую любовь, но искать – не значит найти. Не находят и удивляются: все ж на месте, почему не работает?

- Почему? – заинтересовалась Альвина, которой до сорока оставалось еще два десятка лет.

- Не нужно забывать, что любовь, в современной трактовке термина, - штука изрядно циничная. За нее нужно благодарить, вплоть до полного пансиона. Арифметика простая. можешь сам\сама платить - ищи, смело отнимая лет пятнадцать-двадцать от своего возраста.

- Пятьдесят, - поправил Савва.

Антон на поправку улыбнулся с пониманием: их с Замилей разница в возрасте составляла всего тридцать пять лет – и продолжил:

- Хочешь, чтобы платили тебе, тогда минимум столько же накидывай. И любовь придет – во всей циничной красе.

- А если любовь приходит, но она безответна? – спросила скромно Замиля.

- Читал я где-то об этом, - Савва потер лоб, вспоминая. – Кажется, в «Цитадели» Экзюпери. Дословно не вспомню, но смысл таков: безответная любовь прекрасна, если она - молитва, и безобразна, если она – мольба. А еще читал недавно призыв одной очаровательной блоггерши: «Приглашаю подключаться на мой анал, - написала она. – Вы увидите много нового и интересного». И задумался: какие же мутации настигли эту занятную леди – мутации в анатомии, раз у нее там «много нового и интересного», или все-таки мутации в грамматике.

*«Государство есть историческое
переходящее учреждение,
временная форма общества,
как сама церковь, младшим братом
которой оно является»...*

Михаил Бакунин. «Анархия и Порядок»

- С годами выработал для себя основной принцип взаимоотношений с людьми, - вполне связно для нетрезвой беседы обобщил Антон, и все тут же сделали заинтересованные лица. Ободренный оратор уверенно продолжил:

- Никогда не торговаться.

- В любви? – уточнил Савва,

- Во всем, - обобщил Антон. - Поскольку я всегда честен и щедр (*при этих словах все согласно закивали*), то звучит мой основной принцип приблизительно так. Вот мои возможности: цена, зарплата, смета, эмоция, умение, любовь. Если мои возможности совпадают с вашими запросами - отлично: работаем, строим, делаем, покупаем, живем, любим. Если ваши запросы выше, то простите. Либо я временно останусь без подрядчика (что вряд ли), либо подыщу другого. Но вас, того, кто с высокими запросами, - в абсолютный кристалл льда. Такой принцип позволяет всегда добиваться поставленной цели, одновременно избавляясь от ненужных

(как сейчас принято говорить, токсичных) людей. А все эти «а давайте, пожалуйста, рассмотрите вариант, подумайте, а в рассрочку, я была, котенок, не права» - все это лесом, все это в топку.

- Гениально! – хлопнул в ладоши Савва и дамы подхватили рукоплескания. – Тебя бы законодателем! Страна бы расцвела. Айда на баррикады? Революционировать?

- У революций нет героев. В преступлениях нет романтики. В войне один победитель – сама война, - мгновенно не согласился Антон. – И в целом: лучше хранить равновесие в одном городке, чем раскачивать и разрушать государства. Была, например, когда-то в нашем городке заложена по генеральному плану улица Российская, Російська на государственном. Буквально в двух кварталах от нашей Кисельной. В виду революционных событий решили переименовать ее в улицу Украинская, Українська соответственно. По понятным причинам единогласия в таком вопросе добиться сложно. Так и пестрило через участок: Російська-Українська. А то и на языке оригинала: Российская-Украинская. Что никак не способствовало сплочению коллективного разума. Потом компромисс нашли. Поубирали лишние буквы. Теперь на каждом участке вбиты в землю таблички, на которых гордо значится: «...ська». Все гениальное просто.

- Забавный беспорядок, - хохотнул Савва. - Анархия, конечно, мать порядка, но не пора ли ей на дачу - хочется потусить с ее сыном. Ну, так давай тебя в депутаты, на дебаты

пойдешь, а там глядишь, да и устроишь новый мировой порядок.

- Предвыборные дебаты, по сути, - спор, - вновь не согласился Антон. - Добровольное участие в споре унижает достоинство. Так что это убогое зрелище одинаково позорно и для будущих президентов, и для их нынешних избирателей.

- Да ты, прям, подготовился, - оценил Савва. – Хотя ты, безусловно, прав. Политика – это не наше. Если и плыть с кем-то в одной лодке, то разве что загребным. Таким, что определяет темп, ритм, силу и характер гребли. Независимый политик - это такое существо, которое получает распоряжения от хозяев без посредников, напрямую. Но как же гражданская позиция? Пассионарность? Национальная идея, наконец?

- Гражданская позиция – дело тонкое, интимное: ее нужно иметь, но не стоит о ней кричать. Кроме того, часто бывает так, что явное меньшинство оказывается в итоге скрытым большинством, - улыбнулся Антон. - Я бы сказал шире, - Антон покрутил меж пальцев тонкую ножку бокала – именно такую операцию осуществляла сейчас Альвина с очередной сигаретой. - Национальная идея государства? Мыслим шире - идея мироощущения всех наций, рожденная нами. Поскольку тут недра, тут сама суть всех стихий. Великая Ответственность. За судьбы, за будущее, за дух и память. За нас... Тост вышел.

- Но глубокий, - воскликнул Савва и бокалы со звоном

встретились в тосте. - Недавно услышал в каком-то американском сериале интересную фразу: «Я не предатель, я новый патриот». Задумался. Вот скажи мне... нам всем скажи, мудрый человек. Где граница между родиной и чужбиной? Она лежит между двумя странами? Между двумя верами? Между двумя народами? Между двумя языками? Между двумя полами или двумя расами? Как дети малые – провели линии в песочнице и горшки подписали крестиками.

- Будь ты самым прожжённым галлом, все равно твоя Родина – Рим, - неожиданно процитировала кого-то Замиля, тихо, но с чувством.

Все посмотрели на Замилю с уважением. Альвина спросила:

- Кто написал? Что там дальше?

- Кто написал – не помню, а вот стихотворение наизусть – помню. Там про любовь, не про политику, - и Замиля встала и декламировала с каким-то невообразимо милым акцентом:

*Коль страдаешь от стрел Купидона,
Так молись или скорбно моли
Или просто отстрел купидонов
Начинай с гордым криком: «Пали!»*

*И в ответ – не покажется мало:
Купидонов гнев неумолим.*

*Будь ты самым отъявленным галлом,
Все равно твоя Родина – Рим.*

*И по храмам похрамывать можешь,
Даже в Тампле толпиться без сил,
Но слезами пропитанной кожи
Купидон ждет – вот он ощутил!*

*И тогда ты получишь прощенье,
Пусть его у других ты просил,
И любви незабвенное пенье
Ты почувствуешь в веянье крыл.*

За столом воцарилось молчание, после чего троица зааплодировала, а Замиля поклонилась и снова заняла свое место.

18:15

Все знают, что нельзя мешать вино и политику, но все и всегда об этом забывают. Мужчин так просто не остановить – стихотворением о любви, пусть даже самым проникновенным. Как только стихли аплодисменты в честь Замили, Антон вернулся на прежние рельсы, поскольку считал тему не исчерпанной.

- В эпоху господства транснационального капитала любое

государство - это всего лишь коммерческий проект, - констатировал Антон очевидное, - а потому история - это всего лишь бизнес-отчет, описывающий работу на повышение или на понижение стоимости того или иного проекта. Аналитические прогнозы - всего лишь бизнес-планы, просчитывающие (или внедряющие в массовое сознание) вероятность реализации того или иного проекта.

- Как я понимаю, ты о глобализации? – уточнил Савва, к которому, собственно, и обращался Антон.

- А что есть глобализация? – спросил отельер, может, излишне эмоционально. - Была страна богата природными ресурсами: нефтью, газом, лесом, рудой, минералами. На века бы хватило. Договорились между собой другие страны и говорят: «А давай ты нам ресурсы, а мы тебе фантики с картинками и циферками?» Задумалась страна над таким «заманчивым» предложением. Сомневается. Перемигнулись другие страны и говорят: «Ну, раз не хочешь, тогда мы вообще запрещаем тебе отдавать нам ресурсы». Встрепенулась страна: «Как это - мне запрещают?! Не дождетесь! А я - буду!» И теперь гонит по трубам ресурсы даже не за фантики, а за нолики на виртуальных счетах. И гордится этим. Одному мне кажется, что где-то в этой схеме подвох?

Савва задумался, а потом медленно сказал:

- Прочитал не так давно в одной книге: «...для того, чтобы остановить глобализацию, необходимо повсеместно прекратить экспортно-импортные операции, ликвидировать ту-

ризм, миграцию населения, гастроли деятелей различных видов искусств, художественные и прочие выставки...» Не дословно, но, по сути, написано где-то так. Издана книга была коллективом авторов десятков лет назад. А наблюдаем мы все это именно сейчас, под предлогом пандемии. Неужели антиглобалисты что-то знали уже тогда и теперь все-таки берут власть в свои руки?

Девушкам стало скучно – Альвина залезла в телефон, Замия принялась прибирать со стола, чтобы обновить посуду. Но мужчины не унимались.

- Политики меряются письками, а народ страдает! – категорично заявил Савва, подводя итог.

- Самое страшное, что писька одна, ею никто не меряется, ею просто размахивают, - заметил Антон.

- Может, ты и прав, - сказал Савва, сам себе подливая вина. – Раньше меня всегда удивляла странная особенность голливудских фильмов: довольно часто герои боятся клоунов. Детей пугают клоунами, взрослых пугают клоунами, клоун - глубинный страх из детства. И даже символ государства - раскрашенный клоун у дверей фаст-фуда. Какой-то великодержавный ужас... И только теперь, когда весь мир ежится в тени огромного клоуна, нависшего над континентами, становятся понятными истоки этой заразной фобии.

- Вирус европейской демократии особо опасен для молодых развивающихся стран, - улыбнулся в ответ Антон. - Передается политическим путем. Основные симптомы: граж-

данская горячка, революционная лихорадка, обострение социальных симптомов, помутнение общественного самосознания, отпадение территорий, учащенная миграция, возможен летальный исход, - антон демонстративно загибал пальцы. - Поскольку штамм выведен искусственно за океаном и постоянно мутирует, то даже своевременная вакцинация помогает только в том случае, если народный организм имеет надежный иммунитет.

- Думаешь, революционная, как ты говоришь, горячка тесно связана с демократией? – с легкой нетрезвой серьезностью спросил Савва. – Кстати, знаешь, в чем различие между демократией и тоталитаризмом? При тоталитарном режиме все равны, а демократический режим только стремится к всеобщему равенству.

- Порядок, стабильность, уверенность в завтрашнем дне, - кивнул Антон, - возможность строить планы на завтра - все это побочные эффекты авторитарного правления. В такие периоды особенно громко звучат призывы к свободе и требования перемен. И лишь тогда, когда воцаряется хаос, когда в стране разброд, шатание, анархия, - вот тогда пробуждается тоска по внятному, пусть и требовательному, руководству.

- Так Вы, батенька, махровый монархист, - то ли спросил, то ли зафиксировал Савва, на что собеседник тут же откликнулся:

*Я - монархист. Не ярый, не махровый.
Я фанатизмом с детства не болел.
Но Божьего помазанника слова,
«Храни Его!..» церковных а капелл
Мне не хватает... Разорву рубаху.
И не слова: сто тысяч юнкеров
Под флаг твой собираю. Взойду на плаху.
Ни пыток, ни Сибири, ни оков
Не побоюсь. Труби! Коней седлаем!
Разрыв души! Огонь и ветра свист!
Но нет Тебя... Мы тихо ожидаем.
А в сердце боль. Простите, - монархист.*

18:30

Антон надолго замолчал. Подлил вина, выпил, задумался. Накатали мысли долгие, невеселые, мрачные.

- Кто-то из белогвардейских офицеров-поэтов? – наконец с пониманием спросил Савва, всем своим серьезным видом выказывая уважение к такой уверенной гражданской позиции.

- Нет, - покачал головой Антон. – Кто-то из современных, не помню.

- Так все-таки революция? – прищурился Савва. – Вернее, реставрация?

- Да какая революция? – ожил Антон. – Причина револю-

ций вовсе не в желании реставраций или реформаций.

- А в чем? – заинтересовался Савва.

- Власть стремиться низвести разум подданных до самых низин – так проще управлять. Но наивно рассчитывать, что немощным разумом плебея не воспользуется в своих целях другая власть. Вот и почва для революций. Заколдованный круг: обретение власти – «просадка» интеллектуального уровня масс – революция – обретение власти... И вновь по кругу.

- Вот не буду спорить, хотя есть желание, - Савва протянул свой бокал к Антонову для созвона. – Вино порождает споры, но мы не станем.

- А что смысла в спорах? – Антон пожал плечами. - Чтобы одержать победу в любом принципиальном споре (особенно на политические темы), достаточно предмет спора разбить на мелкие частные элементы. Теперь что бы ни постулировал оппонент, просто упираешься лбом в какую-нибудь однобокую частную трактовку мелочи, рассматривая ее в отрыве от общего принципа.

- Очень удобно, - понимающе кивнул Савва.

- Очень удобно, - подтвердил Антон. - Такой метод спора абсолютно не требует знания материальной части. Оппонент сдастся в считанные минуты – нет возможности «спорить о собаке с точки зрения блохи».

- Запомню, - пообещал Савва.

- А есть еще один метод, - воодушевился Антон. – «Метод

Глеба Капустина», героя рассказа Василия Шукшина «Срезал». Нужно сначала придумать спор, а потом вывести его развитие за рамки логики, довести сам предмет спора до абсурда.

- Ну да нынче все так спорят, - рассмеялся Савва. - Тут ничего нового. Сон в тему. Приснился довольно давно, но запал в память. Я опоздал на военные сборы. Не современные, армейские, а на какие-то стародавние, рыцарские – какой-то очередной крестовый поход.

Мечи, щиты, копья, луки – все роздано, мне не досталось. Выпрашиваю у арсенальщика, но тот только руками разводит. Все бойцы тем временем выстроились боевым порядком, ворота открылись, они ушли с походной песней. Ворота за ними закрылись. Крики, стоны, вопли, плач, звон оружия – началось сражение.

А я остался – наказали за опоздание. Стою – сгораю от стыда. Нет, думаю. Не на того напали. Я попаду-таки на битву! Карабкаюсь на стену, пальцы в кровь. Добираюсь до смотровой площадки. Смотрю с нее вниз, на поле боя. Практически все – порублены на куски, осталось всего шесть человек: три наших, три врага. Ничья. Но тут наши израненные воины видят меня на стене и кричат: «Нас четверо! Мы победили!» И я – герой. Фокусы провидения. Что-то девушки нас покинули.

- Думаешь, женщины потеряли к тебе интерес? – улыбнулся Антон. - Ошибаешься! Две подружки - государство и

налоговая - не отстанут от тебя до самой смерти.

Посмеялись хором, и даже Замиля, которая как раз вынесла новое фразе, улыбнулась. И только Альвина осталась безучастной, поскольку была занята чем-то важным в телефоне.

- Мы с вами, - сказала Замиля. – Просто политика не женское дело.

- Скажи это нашим дамам в законодательном собрании, - возразил Савва.

- Мне Антон всегда говорил, - ответила Замиля, - «Если ваша женщина может вспомнить, не задумываясь, имена-фамилии пары-тройки политиков, если знает, что такое томос, если следит за курсом валют, задумайтесь: такой уж ли вы хороший мужчина, надежно ли вы оберегаете свою женщину от воздействия агрессивной внешней среды».

- Цитируешь классиков? – с уважением кивнул Савва. – Правильно, не нужен вам, женщинам, весь этот цирк. Где-то в «Братьях» Достоевского, помню, было, что нельзя превращать ни церковь в государство, ни государство в церковь. А можно ли превращать цирк в государство или государство в цирк?

- Вопрос риторический, - откликнулся Антон. - Двигатель политических трансформаций, как всегда, - крайний эгоизм, гипертрофированная жажда наживы и полная атрофия моральных принципов. Не думаю, что кто-либо в высших эшелонах тревожно не спит по ночам.

- Современная политика - это исполнение некоего глобального проекта нечистыми на руку подрядчиками на местах, - констатировал Савва. - Невозможно быть политиком, если, по причине врожденной или благоприобретенной порядочности, ты не приемлешь сам концепт, сам замысел самопровозглашенных архитекторов. Выход?

- Монархия, - напомнил Антон. – И разумность в законодательной сфере. Распоряжения того, кто наделен властью, будут настолько эффективны, насколько они соответствуют внутренним побуждениям тех, кто призван эти распоряжения воплощать в жизнь. Достаточно вспомнить беседу Короля и Принца из повести Экзюпери. Помнишь эти бесконечные метания Короля: «я запрещаю тебе зевать – я повелеваю тебе зевать».

- Помню, - кивнул Савва. – Не дословно, конечно. Абсолютный монарх, который желал отдавать только разумные приказы.

- «Ведь для короля самое важное - чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания», - неожиданно заговорила Альвина.

Оказывается, она все это время прислушивалась к разговору и, услышав знакомые слова, рыскала в поисковике, чтобы ворваться в мужской разговор на белой кобылице. Триумфальный час пробил.

В это время Юрка, словно прирученный Лис из той же новеллы, прыгнул хозяину на руки. Антон потрепал его за ухом, но отправил на место – под стол, ибо Юркий такс не просто проявлял собачью преданность, а с природной хитростью подкрадывался таким образом к кулинарным изыскам на столе.

18:45

- Почему страну обязательно должно трясти в преддверии выборов? – спросил Савва, почему-то у Альвины, видимо, пытаясь вовлечь девушку в разговор или в благодарность за цитату о Короле. А может потому, что Антон отправился к мангалу – подогреть мясо, ведь уже открывалось второе дыхание.

- Скачки цен, тарифов, курса, - настаивал Савва, Альвина при этом послушно пожимала плечами. - Улицы в биллбордах, телеканалы в политиках. Манифестации, митинги, драки, аресты. Ссоры, скандалы, предательства, разводы. Вот бы вместо всего этого тоненький бюллетень: кандидаты, их былые заслуги и будущие программы. Хочешь - читай, выбери и голосуй. Хочешь - не читай и занимайся своим благим делом, не трать времени, сил, нервов на всю эту суету.

- Имитация пассивной демократии? – через плечо спросил Антон.

- Лучше уж пассивная демократия, чем агрессивная агит-

тация, - решил Савва. – Читал как-то в новостной ленте: «Сегодня горожане вместе с патриотами продолжают наводить порядок в Летнем театре». Оговорка даже не по Фрейду. Хорошо, что не «горожане вместе с людьми». Надоели со своей политикой, до одури надоели.

- Как и вы нам, - неожиданно включилась в беседу Альвина. – Нет, серьезно, сколько можно? Давайте о чем-то добром, милом. О котятках, о тигрятах, о зверятах.

- Енот-полоскун умиляет имитацией стирки, обезьяна даже может курить, - Антон подвел итог «неженской теме», заодно выполнив просьбу Альвины. - Но мы не сомневаемся в том, что это животные. Некоторые животные подражают человеческой речи, благодаря чему пишут романы, выступают на тиви, ведут блоги, занимаются политикой. В общем, берутся за самый что ни на есть человеческий труд. И мы обманываем себя, веря, что это люди. Думаю, пора открывать новую бутылку, а то мясо пересушу. Замиля, подготовь там место на столе для разноса.

Место было подготовлено, бокалы и тарелки расставлены, запас соусов пополнен, бутылки – сразу две – были открыты. Вернулись к трапезе и некоторое время ели молча. Но что за застолье без увлекательной беседы?

19:00

«Сильнее и удивительнее всего

*сила воли проявляется
в громадном срединном царстве,
где Европа как бы возвращается в Азию,
- в России».*

Фридрих Ницше. «О России и русских»

- Говорят, - заговорщицким шепотом начал Савва, - что некоторые темнокожие жители Африканского континента так мечтали сбежать из родных краев в Новый Свет, что усиленно учили английский и целыми племенами добровольно продавали себя в рабство. Говорят, жители некоторых славянских государств так мечтают попасть в Европу, что...

- Опять ты со своей политикой, - поморщилась Альвина.

- Это география, - с некоторой злостью парировал Савва.

- История, социология, но никак не политика.

- Смешались в кучу кони-люди, - «простила» Альвина своего мужчину.

- Перечитывал недавно французский эпос, - решил поддержать друга Антон. - «Песнь о Роланде», испанский эпос - «Песнь о моем Сиде». Героизм рыцаря оценивали по тому, насколько более кроваво и жестоко он умел грабить мавров, славян и прочих нелюдей... Очарован Европой: прошли века, а она все так же, по-средневековому, молода.

- Ничего не изменилось, - обрадовался поддержке Савва. - Европа - настоящий рай, в который мы, несомненно, попадем.

- Войдем через Врата святого Петра? – улыбнулся Антон.

- Нет, не войдем через Врата Петровы, - решительно возразил Савва. - Мы пролезем через прорубленное Петрово окно, но обязательно будем там! Мы уже почти готовы: постепенно отказываемся от всего материального, чтобы остаться нагими и босыми - иначе не достичь Царства Небесного. Дело осталось за малым: чтобы попасть в рай, нужно исхитриться умереть, но и здесь европейские друзья нам помогут.

- Какой ты злой, - ласково сказала Альвина, кладя белокурую голову на плечо своему мужчине.

- Справедливый, - Савва растаял и нежно погладил растрепанные летним ветром девичьи волосы. - Наша душа всегда будет тяготеть к тому, что ближе, роднее, понятнее, поскольку там любовь (иногда строгая), доверие, дружба. Осознавать сопричастность целому – это закон природы. Симбиоз. Пусть у них душа шире, у нас душа глубже. Как одному без другого? – И тут же речитативно выдал:

Мы в ЕС победным маршем!

Мать, прости! И верь нам, мать:

Сможем мы вступить в кабацкую,

И при этом не вонять!

- Сам придумал? – удивился Антон.

- Нет, - ответил Савва с сожалением. – В одной пивной на столе кто-то нацарапал. Въелось в память.

- Я даже догадываюсь в какой пивной, - улыбнулся Антон.
- В «Варяке»?

- В нем, - кивнул Савва. - Еще там было «Кто мылом не мыл, тот Миле не мил». Но это совсем об ином...

19:15

Очнулась от магического сна околдованная великой паутиной Альвина. Оказывается, она все это время искала что-нибудь в интернете, чтобы компетентно поучаствовать в мужском разговоре. Искала – и нашла. Сбиваясь, запинаясь, не всегда верно расставляя ударения в незнакомых словах, Альвина зачитала отрывок какой-то статьи:

- «Европейцы-колонизаторы практически стерли цивилизации воинственных... - далее у Альвины начались проблемы, но девушка отважно их преодолела, - майя, ацтеков (мешика), инков (кечуа) с лица земли. Кстати, одной из причин гибели индейцев послужили завезенные европейцами болезни - чума, оспа, грипп... – тут Альвина сделала акцент и округлила глаза. - Не только стерли, но и поиздевались вволю. Даже радужный флаг инков превратили в знамя ЛГБТ-сообщества. Но гордый индейский дух жив и поныне!» - закончила Альвина с пионерским пафосом.

- Ух, как! – восхитился Савва. – Умница ты моя!

- Твоя! – уверенно подтвердила двадцатилетняя девушка семидесятилетнему мужчине. – Но я бы хотела жить в Евро-

пе.

- Тыфу ты! – Савва тут же утратил умильную нежность. - Если ты не находишь возможностей для самореализации в родных краях и тянет-потянет тебя в европейские чужбины, может, дело не в достоинствах заграничных, а в отсутствии находчивости?

- Есть у меня находчивость, - Альвина надула губки. – Я тебя нашла.

- Или я тебя, - успокоился Савва.

- Но дети наши будут учиться в Европе? – вновь испортила Савве настроение Альвина.

Заметив, что его друг закипает, Антон решил вмешаться.

- Отправка ребенка на учебу или ПМЖ за рубеж, - примирительно сказал Антон, - уже давно является у нас признаком неблагополучной семьи.

- У нас – благополучная семья, - гордо заявила Альвина.

Савва расхохотался и поцеловал свою девушку в губы. Целовал долго, Антон уже было решил, что сейчас начнутся более интимные ласки, но Савва наконец оторвался от Альвины и громогласно, в качестве тоста, заявил:

- Если грянет зомби-апокалипсис, что пророчат шлаковые шедевры Голливуда, то выживут лишь те, кто не ел в McDonald'se!

Тост был принят, бокалы сомкнулись, а после каждый занялся своим делом: Альвина закурила, Замиля вновь засуетилась у стола, мужчины расслабленно откинулись на спин-

ки стульев, подставляя летнему вечернему ветерку авторитетные пузики и лица, испещренные благородными морщинами. Было хорошо.

- Отменный молодой барашек, - авторитетно похвалил Савва Антонову стряпню.

- Какой же он молодой? – удивилась Альвина. – Он мертвый. И пожаренный.

19:30

*«[...] семьею и обществом
человек воспитывается
как член семьи или общества вообще,
а не как духовно-определенная личность,
которая, напротив,
поглощается ими – в принципе».*

И. С. Аксаков. «Спасение – только в деятельности самосознания»

- Какая прелесть эти Ваши пироги, уважаемая Замиля, - восхитился Савва, даже перейдя на «Вы», чтобы подчеркнуть восхищение. – Это я Вам как ресторатор говорю. Дай мастер-класс моим поварам, - потребовал, вернувшись к дружескому «ты». – Соберу шефов, расскажешь пару рецептов, введу в меню. Для начала на какой-нибудь пилотной площадке, а там и по всей сети. Денег заработаешь. Не шучу,

не под винными парами.

Замиля взглянула на своего мужчину, Антон кивнул с улыбкой.

- Завтра обязательно поговорим, - пообещала Замиля, но было видно, что она польщена и довольна

Однако была в этой женской гордости изрядная доля искреннего стыда. Не привыкла и не любила Замиля выставать себя, свои достоинства напоказ, тем более в присутствии своего мужчины. «Какая же ты другая!» - с удовольствием подумал Антон, невольно сравнивая Замилю с прежними своими спутницами. Эту стыдливую нотку с винной чуткостью заметил и Савва. И немедленно решил внести ясность.

- Стыд - это эмоциональная проекция совести. Людям стыдно, когда они совершают нечто такое, что тревожит моральное чувство. Это как гастрономический вкус. Форма-жье, например, неловко, когда не тот сыр подают не к тому вину, а кто-то ест макбургер и не морщится.

- Формажье? – переспросила Замиля.

- Это такой специалист, можно сказать, сомелье по сырам, - уточнил Савва. – Какой сыр к какому вину подавать.

- Дался тебе этот макбургер! – рассмеялся Антон. – Как по мне, так стыд хуже наглости.

- Наглость - это та же самоуверенность, только приносящая вред окружающим, - тут же откликнулся Савва. – Вот как у твоего Юрки. Наглая такса. Требует, лает, занимается

вымогательством, прям, высасывает наше внимание. В Англии говорят, что собак должно быть видно, но не должно быть слышно.

- В Англии так про детей говорят, - проявила эрудицию Альвина, и Савва аж задрал подбородок от гордости за свою даму.

- Чем выше забор, тем громче лает за ним маленькая злая собака, - зачем-то сказал Антон – может, в защиту своего питомца.

Питомец в благодарность твякнул и стал передними лапами Антону на колени, вымогая кусок хваленного пирога Замили. Кусок пирога был получен, и Юрка с глухим урчанием, предупреждая всех других членов стаи, что «это – его добыча», скрылся под столом.

- Я же просила не давать ему со стола, - нежно напомнила Замиля, и Антону не оставалось ничего другого, как виновато пожать плечами.

- Чем выше забор, тем настырнее желание через этот забор перелезть, - ответил Савва.

Антон понял, что беседа теряет смысл, как всегда происходит на третьем часу посиделок. Пора было возвращать разговор в русло здравого смысла. А для этого нужно было задать (или продолжить) тему. Говорили про собак, и Антон решил оттолкнуться от этого бортика.

- Если бы, - начал он, - по замыслу автора, Маугли был воспитан не волками, а бандерлогами, то роман Редьярда

Киплинга утратил бы фантастичность, но стал бы претендовать на роль весьма современного учебника по социологии и общественным отношениям. Ну, или по PR-менеджменту, чтобы окончательно синхронизировать с нынешней реальностью.

- Думаешь, все так плохо? – нахмурился Савва. – Нашему обществу стремительно наступает кирдык?

- Ну, почему же? – пожал плечами Антон. – Все повторяется. Спираль истории.

Так уже было когда-то.

Не говорите, что не было.

Легионы, ждущие воли сената;

Чернь, жаждущая зрелищ и хлеба.

Сонмища идиотов,

Юродивые бесноватые,

Фрики в два миллиона просмотров.

Так уже было, было когда-то.

Посулы небесной манны,

Но на каждого пахаря в поле

По три фискальщика-веспасиана

С оскоминным "Aes non olet".

И жить, как всегда, не скучно!

Эй! ласковые кликуши!

Дайте мне порыдать в подушку,

Которой меня задушат.

- Это группа «Церера». Песня имеет двойное «Panem et circenses!», «Хлеба и зрелищ», или «Спираль истории».

Как стихли аплодисменты, Антон продолжил:

- Над каждым поколением - свой социальный эксперимент, который является звеном череды последовательных экспериментальных действий. Вот только на какой результат взят вектор?

- «Divide et impera»? – хвастанул Савва знанием латыни.
– «Разделяй и властвуй»?

- Жизнь разобщает - слишком разнятся наши интересы. Объединяет только коса смерти, - равнодушно ответил Антон.

Он начинал трезветь, ему хотелось вина, но на столе оставался последний бокал. «И последний гандон, как последний патрон», - вспомнил слова старой песни. Пора было спускаться в винный погреб. Антон встал, Савва не остановил, вдогонку послал сентенцию:

- Наше общество уже в который раз разрывает на части: то майдан, то грипповирус. И в который раз по одному и тому же шву.

Потом вдруг Савва тоже решительно отодвинул чугунный стул и заявил:

- Погоди, составлю тебе компанию. Люблю я твой винный погреб. Да и в туалет по дороге заскочу.

20:00

Пока спускались, Савва нагнетал обстановку, рассказывая о жутком недавнем сне.

- Снится мне, - тяжело дыша Антону в затылок, вещал Савва, - что мы с Альвинкой в какой-то квест-рум записались. Стартовали, за временем следим, но задания не сложные, решаем сообща, быстро. Последнее задание – пройти лабиринт и спуститься в бомбоубежище. По легенде, чтобы спастись от ядерного апокалипсиса. Бежим, плутаем, не можем дорогу найти, то в шахты спускаемся, то по полям несемся, то по улицам. В какой-то момент я понимаю, что это уже не игра, не учения, что действительно объявлена тревога. Знаешь, как просто во снах все перетекает из одного в другое. Смотрим в небо – звездопад ядерных ракет. Их много. Нет спасения. Красиво и страшно. Альвинка разбудила, я во сне повторял «Прощай!» А утром новости читаю. С вечера, оказывается, по нашему городу развешены баннеры: «Бытовой сепаратист: 1. Не уважает национальные символы. 2. Ждет прихода "русского мира"». Люди, что это? Как такое? Можешь объяснить? Не можешь.

В погребе, напротив стеллажей с винными (и не только) бутылками, располагался маленький стеклянный дегустаци-

онный столик и два неудобных стула. Антон звякнул низкими бокалами, почти рюмками, и разлил початую бутылку хереса. Темная жидкость уютно устроилась в бокалах. Погреб наполнился терпким ароматом благородной плесени.

- Вот люблю я твой погреб, - повторил Савва.

- За нас! – тост Антона.

- За дружбу! – алаверды Саввы.

Херес тягуче и сладко искупал губы. Становилось все более и более хорошо. Нужно было либо подниматься с новыми запасами к дамам, либо поговорить здесь, на глубине. Остановились на втором решении: херес требовал к себе уважения.

- Вот ты говорил о пандемии, - напомнил Антон. – Вернее, начал говорить. В период «эпидемии» (возьму, пожалуй, в кавычки, поскольку явление больше социального, чем медицинского толка) люди разделились на два лагеря: одни считают, что статистика заболеваний откровенно занижена, другие – что откровенно завышена.

- При этом ни те, ни другие не верят телевизору, - подхватил Савва. – Воцаряются хаос, разброд и шатание.

- Парадокс в том, - херес потянул Антона на философию, - что отсутствие системы координат - это также определенная система координат. Отказ от законов - тоже закон. Анархия и хаос - это не просто мать и отец порядка, это и есть разновидность порядка с уникальными свойствами. Нам предстоит нелегкое плавание, мой друг.

- Лучший способ не утонуть в плавании, - кивнул Савва, - не раскачивать лодку, в которой плывешь. Любое - даже трудное - плавание лучше, чем беспомощное барахтанье. Крепись, не в таких переделках бывали. Помнишь, как на баркасе рыбацьем чуть ко дну не пошли в шторм? А это все - что? Это все – лужи. Мы с тобой любую лужу переплывем.

- Если лужа возомнит себя океаном, - провозгласил Антон, - мало того, если лужа сумеет стать океаном, то под гиблой мутой ее многие людные города лишатся воздуха и солнечного света.

- В мутной воде и дохлая рыба кажется живой, - согласился Савва.

Херес явно переводил беседу на новую глубину миропостижения.

20:15

- Чтобы плавание шло ровно, без качки, необходимо равновесие, - Савва принял на себя роль Капитана Очевидности.

- Несколько центров силы - залог равновесия, - подтвердил Антон. - У каждого центра силы свои зоны влияния и ответственности. Невмешательство в личное пространство - очевидный закон мирного общежития - как в уютных границах семьи, так и в масштабах планеты.

- Да какое же тут равновесие? – Савва подставил бокальчик под новую порцию хереса. – Люди разобщены, озлобле-

ны, агрессивны.

- Публичная агрессия – показатель низкого социального статуса, - изрек Антон с важным видом. – Ты в курсе, что завтра нам будет весьма не хорошо?

- Завтра всем будет не хорошо! – предрек Савва. – Мы-то успеем еще похмелиться. А вот наши дети... Одна надежда, что детям повезет больше нашего. Правда дети наши – те еще...

- Не груби! – предостерег Антон. – Замечательные у нас дети. Как ростки пробиваются к солнцу сквозь опавшую листву, так и молодые поколения сбрасывают замшелый тлен опыта минувших поколений. Таков закон природы. Для роста нужен воздух и простор. И нет никакого желания признавать, что нет стремительного роста без питательной поддержки этого самого «перегноя».

- Нам по семьдесят, - грустно сказал Савва. – Даже за семьдесят. Мы с тобой и есть этот самый перегной. Перечитывал Чаадаева. То ли я чего-то разглядеть не в состоянии, то ли действительно в его произведениях пренебрежение к собственному народу граничит с ненавистью.

- Я не помню так хорошо Чаадаева, - признался Антон. – Не могу дискутировать. Но, думаю, его ненависть, как ты говоришь, направлена не на весь народ, а на его худших представителей. Менялы, например, ростовщики всякие никогда не пользовались доверием народов и правительств. Это было презренное звание, нередко - запрещенное занятие. Да-

же руки порой рубили... Сегодня банкиры - уважаемые люди, а кредитование - чуть ли не благотворительность. Когда власть предлагает в качестве субсидий кредиты «с пониженной процентной ставкой», то преподносят это как дар. Какой-то нештучный развод, не находишь?

- Нахожу, - согласился ресторатор. - Некоторые умудряются не только пожирать ближних своих, но при этом еще и с видом гурмана-знатока оценивать их изысканный вкус. Как тебе, к примеру, нынешние школы лидеров?

- Школы лидеров готовят именно тех вожаков, за которыми идет стадо, но которые при этом первыми попадают на бойню.

- Почему же?

- А какой разумный человек захочет посещать школу лидеров?

- Не поспоришь, - кивнул Савва.

Пора было всплывать на перископную глубину. Друзья взяли каждый по две бутылки и отправились на вечернюю веранду у мангала.

20:30

Оказалось, что после бутылки хереса, да еще с учетом нескольких бутылок вина под шашлык, подъем по лестнице превратился в напряженное восхождение. Возраст и алкоголь, алкоголь и возраст. Вечно юный бог Дионис любит

шутить с немолодыми людьми.

- Отличие бесструктурного управления от диктатуры в том, - вещал Савва, тяжело и прерывисто дыша, - что диктатура запрещает и карает за нарушение запрета, а бесструктурное управление либо поощряет, либо игнорирует.

- Поясни, - подбодрил Антон через плечо. – На примерах.

- Например, - с готовностью откликнулся Савва, - при диктатуре художник за пропаганду наркотиков, насилия, однополый любви получает криминальные статьи, штрафы, сроки. При бесструктурном управлении за ту же замечь! - пропаганду художник обретает финансовые, рекламные и прочие бонусы, а художника, что упускает в творчестве столь важные для «счастья» общества аспекты, погружают в темное болото безразличия.

- Мрачно так все у тебя выходит, - опечалился Антон. – Художники – люди публичные, всегда на виду...

- Чем больше на виду персона, тем строже правила игры! – резюмировал Савва, и Антон понял, что пора бы и проветриться, поскольку мысли прыгают, фразы плетутся не в логике дискурса, а просто по сцепке «слово за слово».

- Идем на воздух, чай будем пить, - озвучил Антон.

- Если кто-то бросает камни в твой огород, то почему бы не построить из них уютенький домик? – «обиделся» Савва, оценив намек. – Вот такой домик, как у тебя. Люблю тебя дружище! Дай расцелую!

И Савва действительно накинулся на Антона с поцелуями

– уже на крыльце перед входной дверью.

- Ребята, куда вы пропали? – громко позвала Альвина. – Мы тут вас уже потеряли. Хотела в погребке искать, да Замиля не пустила.

- Раньше говорили: «Держи коня накормленным, а саблю – наточенной». Теперь говорят: «Держи телефон заряженным, а интернет – оплаченным!» – отозвался Савва, так же громко, Антону пришлось его одернуть.

- Понял, понял, - шепотом извинился Савва, но тут же крикнул снова:

- Найти старый телефон эмоционально круче, чем купить новый, не правда ли? – и Антон мысленно извинился перед всеми соседями с улицы Кисельной.

- Альвинка, когда еще официанткой у меня работала, - горячо зашептал Савва Антону в ухо, - как-то парнишке одному, коллеге-официанту, говорит: «Можешь мне телефон пополнить со своей карты, а я завтра тебе аналом верну». «Налом?» - переспрашивает тот. «Ну, или так», - отвечает. Я ее тогда и полюбил.

Замиля заботливо подпалила спираль от мух и комаров, что добавило летнему вечеру особый вкус. И было совершенно не лишним, учитывая шорты мужчин и Альвины да короткую юбку самой Замиля. На столе, прикрытый специальным зонтиком, стоял торт, дымился чайник.

- Кому чай, кому кофе? – спросила Замиля.

*«Ибо главный половой
орган женщины*

— это, конечно, лицо».

Виктор Пелевин. «S.n.u.f.f»

- Тысячу извинений, - Савва тяжело опустился на чугунный стул, накрытый мягким пуфом. – Милые дамы, вас не покинем боле. Обещаем до утра защищать от комара.

- Да уж, постарайтесь, - Альвина демонстративно отложила в сторону телефон. – Хотя мы с Замилей не скучали. Множество советов от мудрой женщины о том, как удержать такого прекрасного мужчину, как ты, - и Альвина прильнула к небритой Саввиной щеке.

- Мудрая – не обо мне, - скромно возразила Замиля. – Мудрость – мужская страна. Женщина лишь светится мудростью своего мужчины.

- Что ты! – горячо запротестовал Савва. – Мы можем быть умны, проницательны, начитаны. Можем просчитывать, анализировать. Можем обладать энциклопедическими знаниями...

- Можем предчувствовать. На интуитивном уровне, - подсказал Антон.

- А что есть интуиция? – хмыкнул Савва. – Все тот же опыт, все те же знания, которые наш мозг услужливо обра-

бывает без нашего ведома. А нам выдает уже готовый результат. Так что любое «интуитивное предчувствование» - всего лишь прогноз на основе совокупных входящих данных. Чем больше данных, чем совершеннее система их классификации, тем точнее прогноз, тем мощнее «интуиция». Индусы называли эту особенность человеческого мышления шабдой. Человек воспринимает мир при помощи органов чувств, анализирует увиденное-услышанное при помощи разума. А шабда – это мост, связующий разум и чувства.

- А мудрость? – напомнил Антон.

- Мужской ум – это знания. Женский – это понимание и принятие, - пояснил Савва. - Только женщина может быть по-настоящему мудрой. Принимать нас, говнюков, такими, какие мы есть. Вод для того то мудрость и нужна женщине, чтобы наше совместное житье-бытье было возможно в принципе.

Савва остановился, чтобы перевести дыхание, хлебнул вина и продолжил с новой энергией:

- Приснилось мне на днях, что я шестивалентный Палладий. А вокруг собрались одновалентные Водород, Литий, Натрий, Фтор, Бром, еще кто-то - не разглядел во сне. И все кричат, галдят, честят меня женскими голосами за многовалентность мою, а своей одновалентностью кичатся, возводят ее в абсолют... Что сказал бы Фрейд? Хотя он тоже не химик.

- Мог бы побыть и одновалентным водородом, - сказала Альвина, выпуская густую струю дыма в желтый огонек ноч-

ника под балкой крыши. – Хотя бы для разнообразия. Может, мы бы достигли тогда абсолютного взаимопонимания.

- Мужчина и женщина могут достичь относительного, - тут Савва сделал выразительную паузу, после чего продолжил, - взаимопонимания только в том случае, когда мысли женщины находятся в полной, - снова пауза, - власти мужчины. Женщина - манипулируемое существо. Не возражайте, девушки!

- Я и не думала возражать, - улыбнулась Замиля.

- И нет никакого удовольствия наблюдать, как манипулируют твоей, - Савва сделал акцент на слове «твоей», - женщиной. В топку телевидение, в топку интернет! Дантовы пещеры, откуда демоны вселяются в наших женщин, а уже через женщин пытаются – и успешно! – овладеть нашими умами, нашими мыслями. Подслушал, кстати, невольно: «Я дикая, но в рамках закрытых помещений!» Ах, как чудесно это изречение характеризует определенный тип людей.

- В каком это закрытом помещении ты уже успел подслушать? - тут же ревниво напряглась Альвина.

Она одна пила кофе – под сигарету. Замиля, Савва и Антон пили чай.

Желаешь быть царицей властной, когда тебе уже за сорок, -

Тогда побудь пажом послушным, пока тебе чуть-чуть за двадцать,

- вместо ответа продекламировал ресторатор.

Антон понимал, что такое взаимное пикетирование – норма для отношений между многоопытным мужчиной и в меру умной, в меру восторженной, в меру меркантильной юной леди, а потому не стал предпринимать никаких попыток примирения. Было попросту незачем.

- Нашел пажа, - фыркнула Альвина. – Я же у тебя красавица, сам говорил. Неоднократно.

- Просто красавица: и ноги алые, и груди длинные, и губы белые, - выдал Савва настолько неуместную шутку, что даже его другу стало неловко – совсем не про Альвину, девушка была на редкость красива, хоть и немного вульгарна.

Антон Несторович решил исправить положение, снизить градус.

- Между мужской полигамией и женской, - сказал он ровно, - безусловно, имеются различия. Заводя новые связи, мужчина расширяет зону ответственности. Женщина производит смену зоны ответственности.

- Поясни! – потребовал Савва и потянулся к сигарете Альвины. Девушка послушно дала ему никотиновую палочку и забрала после первой же затяжки: Савва не курил. Так, под винное настроение.

- Мужчина принимает на себя новые обязательства в дополнение к прежним. А вот женщина снимает с себя обязательства по отношению к одному и принимает - по отноше-

нию к другому. Правда, нередко можно встретить «женский» вариант супружеской неверности у мужчин и «мужской» - у женщин. Перемешались гендерные роли. Дантовы демоны, как ты говоришь, призывали женщин бороться за равноправие, а в результате набороли абсолютный хаос с немногочисленными островками относительной безопасности.

- Не старайтесь стать лучшим для женщин, - обреченно отмахнулся Савва, - а потом надеяться, что это надежная страховка от неурядиц. У женщин есть защитный механизм: стоит вам расстаться, и тут же меняются критерии оценки - лучший становится худшим, а худший становится лучшим. Нам не понять.

- Ну, почему же не понять? – улыбнулся Антон. - Мальвины, имея про запас пару злых Арлекино, одного-двух доставучих романтичных Пьеро и несколько верных Артамонов, чтобы не соскучиться в этом великолепном, но пресном окружении, выбирают Буратин. Потому как Буратины - непредсказуемы.

- Я твой Буратино? – нежно поинтересовался Савва.

- Безусловно! – поддела его девушка. – А я твоя кто?

21:00

- Ты мой праздник. Яркая женщина - это бразильский карнавал, это парижский «Мулен Руж», это фееричная мистерия, - вздохнул Савва.

- Значит, я твой карнавал? – Альвина потянулась губами к небритой щеке, но Савва отстранился и закончил мысль:

- Но карнавалы и мистерии заканчиваются, стихает музыка и пора уходить домой. Великое искусство и тонкая наука быть яркой женщиной. Хватило бы фантазии...

- У твоей женщины хватает фантазии? – скорее утвердила, чем спросила Альвина.

- Твоя женщина, - Савва мечтательно возвел очи горе, - это тепло очага, уют дома, тишина гавани. Отсюда не уходят, сюда возвращаются - после шума любых карнавалов и мистерий. Тонкое искусство и великая наука быть такой женщиной. Хватило бы терпения...

- А нельзя быть одновременно и карнавалом и гаванью, - тихо спросила Замиля, но Савва не слушал, он говорил сейчас только с Альвиной:

- Призвание мужчины - быть опекой и опорой, быть источником ресурсов для карнавалов и мистерий, для уюта и тишины. Тяжелый труд и великая ответственность быть мужчиной. Хватило бы сил... – закончил Савва тезисную часть. - А вот женщина с моноподом, как царевна-лягушка со стрелой в заднице. Хочешь сделать фото - попроси своего мужчину. Нет мужчины - зачем фото?

- Для тебя же, - Альвина дурашливо скривила селфи-рожицу. – Сам же рассказывал про круговорот селфи в природе, или как там?

- Закольцованный «закон селфи», - напомнил Савва. – За-

кое гласит: iPhone нужны девушкам, чтобы те делали селфи-ню, высылали их мужчинам, чтобы мужчины дарили iPhone девушкам, чтобы те делали селфи-ню, высылали их мужчинам, чтобы те...

- Вот-вот! – восторжествовала Альвина. – Хочешь сделаю селфи-ню у мангала?

- Замечательная идея! – поддержал Савва.

Альвина немедленно оказалась у мангала, задрала свой желтый топ и сделала пару снимков. Обратилась с энтузиазмом к Замиле:

- Присоединишься?

Замиля нерешительно посмотрела на Антона. Хозяин дома кивнул, мол, все свои. Девушка поднялась, по дороге к мангалу расстегнула пуговицы небесной блузы. Девушки приобнялись, на пару мгновений замерли в поцелуе. Более смелая Альвина положила свободную руку на грудь Замили. Другой рукой сделала десяток быстрых снимков и даже сняла короткий ролик.

- Готово! – объявила Альвина. – Сейчас выберу лучшие, поработаю с фильтрами и разошлю.

- На мой телефон не получится, - напомнил Антон. – У меня кирпичик, я консерватор. Но я гляну у Замили.

21:10

- Женщины - звезды на мужском небосклоне, - мечтатель-

но сказал Савва, глядя на безоблачное звездное небо из-под крыши, с края веранды. - Один только и умеет, что различать среди туч тусклый лучик. Другой способен порадовать глаз мириадами лучезарных созвездий. У каждой звезды - строго отведенная позиция. Рисунок звезд на бархате ночи обусловлен внутренней целесообразностью, глубокой эстетикой, тонкой гармонией. Но гармония летит ко всем чертям, когда одна из звезд жаждет затмить весь небосклон собственным сиянием. Эх, надо поискать цветные фильтры на телескоп.

- Смотри, обижусь, - вовсе не обиженно предупредила Альвина.

- Если дама Вашего сердца не ответила взаимностью после первой же подаренной ей орхидеи, то надо что-то менять: либо даруемые цветы, либо одариваемую даму сердца, - предупредил в ответ Савва; Альвина вздохнула – слышали, мол, многократно, на что Савва тут же отреагировал:

- Главное оружие женщины - умение понимать с полувздоха. Мужчине нужно учиться правильно, значительно вздыхать. – И вздохнул в ответ – правильно и значительно.

Застольная публика посмеялась. Антон встал, вдохнул полной грудью летний воздух, нашел на небе самую яркую звезду – ту самую, которую в пятнадцать лет попросил, чтобы сбылись его желания. Вспомнил фея Ерофея, вспомнил мать, отца с патристичным именем Нестор, «вернувшийся на родину». Было хорошо и грустно, грустно и хорошо.

- Патриотизм, - не мог не сказать Антон, - это то самое чувство, когда из любой точки мира ты стремишься на Родину. И не важно, что влечет тебя - женщина, дом, любимая собака... Ты хочешь домой, и в этом истинный патриотизм.

- Современная женщина не стремится ни на Родину, ни к богу, ни в партию. И даже в Европу стремится так, за компанию, - развеял Савва Антонову грусть. - Единственная достойная для нее цель - материальное благополучие. И этим коварно пользуются «меркантильные» жестокосердные мужчины...

- Перегибаешь, дорогой, - прервал Антон. – Все мы, и мужчины, и женщины, стремимся к материальному благополучию. Просто мужчины добывают ресурсы в окружающей среде. Так сказать, «сырьевое звено». А женщины получают ресурсы опосредованно, через нас, мужчин. Вот и создается превратное впечатление – пресловутый миф о женской меркантильности.

- Не миф! – упрямо возразил Савва.

- Не миф, но уж точно не порок. Закон жизни. Мы для того и нужны женщинам, чтобы превращать сырье в чистый доход. У нас дуальный симбиоз.

- Вот поэтому молодой женщине не стоит делить с мужчиной стол, если она не готова разделить с ним постель, дабы избежать разночтений в восприятии ситуации, - заключил Савва.

- Любимый, - нежно и грозно проворковала Альвина. –

Цени, что имеешь. Сам же говорил, что я твой юный прекрасный цветок.

- Чем старше мужчина, тем тоньше его чувство прекрасного, - Савва обернулся к своей даме. - Тем сильнее его стремление к природному равновесию, тем глубже его жизненный опыт. Поэтому женщины, которые его окружают все шикарнее - эстет же! - все моложе - так баланс же! И средств мужчина расходует на женщин все меньше - опыт же. Ох уж эти эффективные коммуникативные технологии.

21:15

- Один из основных законов рекламного маркетинга гласит, - задумчиво вывел Антон, - что продавец ни в коем случае не должен заявлять большее количество и лучшее качество товаров, чем те, что собирается действительно предложить покупателю. Как часто женщины презентуют мужчинам эксклюзивный спецзаказ, выкроенный и сшитый по индивидуальным меркам. Но стоит покупателю оплатить счет, как он получает в награду сошедший с конвейера товар широкого потребления со скудным меню стандартных опций. Да и те не всегда работают корректно. Оттого многие мужчины так любят посещать презентации, но совершенно не торопятся становиться собственниками.

- Меню стандартных опций? – переспросил Савва. – В смысле, могут только змейку погонять?

- Вопрос не в том, что они могут, - Антон поморщился. - Женщина может многое. Вопрос в том, чего они хотят. Когда рекламные акции окончены, начинаются рабочие будни. По убыванию. Не про тебя, милая, - Антон погладил Замилю по коленке.

- Не согласен, - возразил Савва. - Это мужчина только на первые свидания ходит причесанным, в свежей рубашке и носках без дырок. У него задача такая - завоевать. А вот женщина нагнетает градус пикантности в нарядах от встречи к встрече. У нее другая задача - удержать. Это как раз про тебя, милая, - Савва повторил жест Антона, погладив по коленке Альвину. - вот разве что умений не каждой хватает.

- Умений? - заинтересовалась Замиля, Альвина также насторожилась.

- Женщина без знания мужской точки Р так же беспомощна в плотской любви, как мужчина без знания женской точки G, - пояснил Савва с энтузиазмом.

Альвина и Замиля переглянулись и прыснули.

- Мы в курсе, - зафиксировала Альвина.

- Не сомневаюсь, - заверил Савва. - Мужчины, как коты, - сравнение древнее, но верное: никуда не денутся от женщины, с которой уютно, тепло и комфортно. Разве что в марте, но к апрелю - точно вернуться. И не вздумайте их кастрировать! Как только заподозрят в вас такие мысли, сбегут быстро и безвозвратно.

- Ты со своей полигамией порой перегибаешь, - упрекнула

Альвина.

- Закон природы, - констатировал Савва. - Женщина любит одного мужчину, но мужчины любят многих женщин, сколько бы их ни было. Женщины любят многих детей, но дети, сколько бы их ни было, любят одну мать. «Женщина должна быть единственной, а не очередной!» - как-то сказала мне одна знакомая. А вот я считаю, что нельзя вводить очередную женщину в заблуждение, убеждая ее в том, что она единственная. Настоящему мужчине пристало быть порядочным и четко разграничивать единственную женщину и очередных. Разумна ли та женщина, что винит мужа за невинные интриги? Ведь тот, кто меняет любовниц, никогда не сменит любимую. Тот, кто ищет разнообразия на стороне, всегда будет постоянен в семейных отношениях.

- А кто тебе сказал, что женщина любит только одного мужчину? – коварно прищурилась Альвина. – Будешь столько пить, придется полюбить кого-нибудь еще.

- Видела я женщин, которые жить не давали своим мужьям из-за лишней бутылки пива или рюмки водки, - неожиданно откликнулась Замиля. - И видела слезы женщин, которые выливали - кто вино, кто пиво, кто дорогой коньяк, кто дешевый самогон - на пепел своих мужчин в крематории со словами: «Он так это любил...» Что кажется важным сегодня, завтра становится суетой.

И Антон в который раз поразился мудрости своей женщины и верности своего выбора.

- Мудрость мужчины - в прочитанных книгах, в проведенных беседах, в подуманном, сказанном и содеянном. Мудрость женщины в том, чтобы необдуманно не оказаться в горьком озере слез, в липком море соплей и в глухом болоте злобы, - Савва кивнул с уважением в сторону Замили, как бы ставя ее в пример своей Альвине.

- Мудрость женщины в том, чтобы быть счастливой, - парировала Альвина. - А сделать женщину счастливой – это уже задача мужчины.

- Чтобы быть счастливой, женщине до тридцати нужно найти достойного мужа, - категорично заявил Савва. - И тогда после тридцати можно спокойно, без суеты искать достойных любовников. А к сорока-сорока пяти уже и внуки подспеют - конец поискам, «до свидания» сексу, новые заботы, новые радости. И все мучительные метания пусть остаются уделом мужей.

- Почему это «до свидания» сексу? – возмутилась Альвина.

- А зачем? – еле заметно пожал плечами Савва.

- Наша общая задача: умение быть рядом, - примирительно сказал Антон. - Не напрягать, не требовать невозможного. Мужчина в угоду женщине может наобещать звезды в небе или маленькую Луну в кармашке. Женщина в угоду мужчине может изображать радость там, где испытывает отвращение. И все это будет неправда. Неправда разрушает.

- Но как без нее? Правда порой разрушает помощнее, -

заметил Савва.

- Мы такие, какие мы есть... - развел руками Антон. - Не исправить, не выгнуть, не преодолеть. Зачем же нам напрягаться, чтобы достичь желаемого? Обещать, симулировать? Человек идет по пути наименьшего сопротивления. Это закон. Если мужчина в жизни женщины (или наоборот) – напряг, оставь – иди дальше. Если он (или она) помогает тебе расти – не отказывайся, прими как дар.

- Размышлял о природе предательства, - подхватил Савва, - и пришел к тому, что порою мы безусловным предательством называем процессы, которые на самом деле являются естественными функциональными жизненными отправлениями. Так женщины к разряду «предательств» относят мужскую полигамию, а мужчины видят «предательство» в том, что женщина меняет одного партнера на другого, более качественного, с точки зрения природной функциональности.

- Женщина может не понимать глубины слов и непрерываемость действий мужчины, - с несвойственной ей решительностью сказала Замиля. - Но на уровне чувств женщина всегда примет, не оспорит и одобрит. Если у женщины возникают сомнения, то, скорее всего, это не ее мужчина.

- Мужчины, выбирайте таких женщин, как Замиля, а других отдавайте врагам - пусть мучаются! – расхохотался Савва.

Замяля, которую перебили, чуть помолчала, прощая другу Антона его бестактность, после чего продолжила:

- Томас Харди писал: «Женщинам трудно говорить с мужчинами на языке, придуманном мужчинами для выражения своих чувств». Может, он прав - женщинам иногда лучше молчать и слушать? По сути, язык (в его нынешнем виде) - мужское изобретение. Женщины просто адаптировали это - сугубо мужское - средство общения для своих целей.

- Где ты ее нашел? – восхитился Савва. - Большинство мужчин вынуждены перебиваться двадцатилетними простушками (это не о тебе, любимая!), хотя отдают предпочтение умным, тонким женщинам за тридцать. Просто никак не могут таких встретить. А у тебя – вышло! Кстати! Наблюдения из личного опыта. У некоторых женщин от тридцати начинается «церковный период» - время собирать камни и замаливать грехи. Мотивация: «Я много грешила, должна отомолить».

- Это не про меня, - улыбнулась Замяля.

- Но не стоит беспокоиться! – продолжил Савва. – «Церковный период» редко тянется дольше года. Потом женщина приходит в себя и начинает грешить с удвоенной энергией - наверстывает упущенное.

- И это не про меня, - вновь улыбнулась Замяля.

- Бестактно напоминать женщине о возрасте, - с добрым

превосходством заявила двадцатилетняя Альвина, «защищая» тридцатипятилетнюю Замилю.

Антон не видел толка в «защите»: Савву он знал давно, понимал, что друг, распираемый винными парами, говорит не со зла, а лишь по простоте душевной. Сама же Замиля вообще не беспокоилась о разнице в возрасте меж нею и Альвиной. Как и о разнице в возрасте между нею и Антоном. Ее мужчина был рядом и смотрел на нее восхищенными глазами, а это – главное. Сам же Савва понял, что зашел не туда, и сгладил напряженность самым естественным вопросом:

- А не вернуться ли нам к вину, мой дорогой друг?

- Мы вас одних в погреб не отпустим! – предупредила Альвина.

- Так отправляйтесь с нами, - сказал Савва, поднимаясь со стула. – Погружение на глубину пять метров! – приказал голосом капитана подводной лодки. – Дифферент на нос пять градусов! Скорость двенадцать узлов!

И уставшая от чая, кофе и десертов компания единомышленно отправилась выполнять приказ со скоростью двенадцать узлов и с дифферентом в пять градусов, что бы это ни значило.

- Я на кухню сверну, сыров по дороге нарежу, - сказала Замиля.

*«Вообще мысль мужчины шире,
подвижнее, изменчивее в силу
новых входящих в нее стихий,
чем мысль женщины, заключенной
в кругу медленно изменяющегося домашнего быта,
более близкой к природе и неподвижному
разнообразию ее явлений».*

Александр Афанасьевич Потебня. «Слово и миф»

Стульчики уступили дамам, но Альвина и Замиля отказались. Замиля под предлогом того, что ей все равно будет нужно «всплывать» на поверхность за новыми закусками. Альвина же увлеклась изучением винной коллекции.

Энотека действительно была гордостью Антона. Здесь нельзя было найти всемирно известных, непомерных по цене брендов. Не было здесь и древних коллекционных экземпляров со сгнившими этикетками и потрескавшимся сургучом на пробках. Зато прятались на полках дерзкие необычные представители неисчислимого дионисового воинства – из всех регионов, что славны винодельческими традициями.

Так что места за дегустационным столиком вновь пришлось занять мужчинам. И пока Антон возился со штопором, Савва развлекал всю компанию монологами.

- Любой выход за пределы дома для женщины - эмоциональный стресс, - раскопал Савва новую мысль. - Ведь сама природа, сама структура социальных отношений определи-

ли внешний мир как поле мужских битв, а внутреннее пространство дома как зону женского комфорта. Нос за порог – адреналин в кровь. Именно поэтому девушки больше парней любят многолюдные тусовки и ночные клубы. Девушки как бы бросают вызов своим страхам, прыгают с парашютом, взбираются на Эверест, суют головы в львиные пасти. Вот же дерзкие!

Выпил красного, даже не прочитав этикетку, закусил Гаудой и продолжил, вовлекая женщин в разговор:

- Плененные принцессы живут в замках. Спускают тугие косы из башенных амбразур и ждут своих рыцарей-спасителей. Рыцари слышат зов, сбивают подковы коней, чтобы выручить, спасти и привезти в свой замок. И тут же принцессы снова выбрасывают косы через подоконники и начинают снова молить о помощи. Как понять вас, женщины?

Получив в ответ только улыбки девушек, Савва не расстроился и выдал новый силлогизм:

- Чтобы избежать одиночества, женщины заводят кошек. Со временем кошек в доме становится доминирующее большинство. Например, две или больше. И губительная ситуация усугубляется до критической черты, становится драмой. Тут есть выход: нужно срочно завести себе мужа. И пусть даже пьет, как пегий конь, или гуляет, как мартовский кот, - все это частности. Только муж должен быть адекватным, совпадать с женщиной по уровню и духу. Поскольку жди непременно беды, когда магл возжелает Ведьму, когда Мессир

решиться связать жизнь с францисской махой.

- Вы пьяны, Мессир, - констатировала Альвина, не оборачиваясь – она застыла в весьма соблазнительной позе, изучая бутылку в нижнем ряду, покрытую особо плотным слоем благородной пыли.

- Эффект выпитой бутылки у тебя наступает после третьей, а у твоей женщины уже тогда, когда ты откупориваешь первую, - отреагировал Савва.

Потом оценил переливы ягодиц под джинсовыми шортами, растаял настолько, что продекламировал:

Женщина - она, как кошка:

Вспрыгнет, посидит немножко...

Будет на твоих коленях,

Пока чесать ее не лень...

- Выцарапано на том же столе в той же пивной? – понимающе спросил Антон, и Савва кивнул, не отрывая взгляда от вожделенного предмета.

- Чтобы создавать идеологию в семье, - неожиданно трезво сказал Савва, - чтобы женщина тебе верила, нужно на порядок яснее, ярче, чем твоя женщина, видеть глубину, панораму мира, лучше уметь распутывать узлы причинно-следственных связей. А для этого нужно много знать, много читать, много работать над собой. Это нудно и сложно. А потому либо выбираем себе женщин непритязательных, либо

потом спорим с ними по любому поводу, так как не верящая своему мужчине женщина, не верующая в него, будет отстаивать свою правоту вплоть до развода.

- Опять ты о своем, - улыбнулся Антон, знающий историю расставания Саввы с последней супругой.

- О нашем! – Савва твердо встретил взгляд друга, и Антон понял, что-таки да – о нашем. - Как только женщина начинает ковыряться в себе лопатой, у которой по режущему краю написано «Кто я?», жди трансформации личности - не в лучшую, не в худшую сторону, а в направлении хаоса. Тут тебе и развод, и девичья фамилия.

- А если мужчина подает на развод, значит, он либо не умеет выбирать женщин, либо не умеет их воспитывать, - пожал плечами Антон.

- Бывало у тебя такое, - как-то очень уж зло сказал Савва. - Заметил дворнягу у обочины - жалкую, худую, с оборванным поводком. Накормил, отмыл, поселил в конуру, навел лоску на шерсть, проявил породу. Стали на нее другие собаководы засматриваться - выставками манят, сулят медали... И найденыш твой - глядь! - да и сбежал к новому хозяину. Бывало? Нет, конечно. Собака же не женщина.

- Когда женщина средних лет решает завести себе любовника (а это бывает всегда), - решил отшутиться Антон, - она должна определиться с главным: женщина хочет, чтобы платили ей, или собирается платить сама. Я не уставал наущать свою бывшую жену. Говорю ей: «Универсальная вербальная

формула для любого мужа, когда его жене сорок плюс: "Если твоему бойфренду 60-70, то дай мне с ним поговорить, чтобы я понял, насколько он умен и интеллигентен. Если меньше - покажи мне его фото, чтобы я понял, за что мне, мужу, придется платить"».

- Можно мы попробуем это?

Альвина застыла в позе девушки с рекламного постера. В руках она держала пухлую пыльную темно-зеленую бутылку с неброской этикеткой. Антон прищурился, присмотрелся и распознал продукцию уже не существующей винодельни. А ведь с этим вином прошла вся его юность, а потом – их с Машей молодость. Кошка-ностальгия потянулась и расправила коготки где-то в глубине.

- Это с нижней полки, - на всякий случай уточнила Альвина.

- Знаю, - кивнул Антон. – На нижних полках крепленые вина. Не стоит сейчас усугублять. Может, чуть позже, перед самым сном.

21:50

- Вернемся на свежий воздух? – предложила Замиля.

- Мне и здесь хорошо! – сказал Савва достаточно резко.

- Мы же только начали, - Антон глянул на подругу просительно, Замиля улыбнулась и отправилась на кухню за новыми закусками.

- Берешь женщину, - не унимался Савва, - бережно расправляешь ей крылья, учишь летать, ставишь на крыло. Она со временем обретает уверенность, становится самостоятельной, кричит: «Я свободна, я сама!», седлает метлу, летит без руля, убивается об стену, ты вздыхаешь, берешь женщину...

- Я сама не полечу, мой дорогой пилот, - уверила Альвина и присела ресторатору на колени, приобняв его за шею. – Я же у тебя идеальная?

- Люблю ёмкий стеб Пелевина, - сказал Савва, оставляя на щеке Альвины след красного вина от своих губ. - Типа: идеальная, алхимическая женщина - это перекачанный мужик с огромным хозяйством и четырьмя яйцами. Ну, это для феминисток.

- А меня зацепило про владельцев дорогих мобилок, - подхватил Антон. – «При римлянах хозяин раба хотя бы оплачивал ошейник, а в наше время рабы недоедают, чтобы его купить». Сам с кирпичиком хожу стареньким, вот, видимо, и проникся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.